

КОВАРСТВО ЗОЛУШКИ

Современные рассказы о любви

Женщины,
читающие
любовную прозу,
счастливы
в личной
жизни

Мария МЕТЛИЦКАЯ

Олег РОЙ

Маша ТРАУБ

и другие

**Юлия Владимировна Климова
Марина Полетика
Мария Метлицкая
Олег Юрьевич Рой
Дарья Дезомбре
Марина Туровская
Ирина Степановская
Маша Трауб
Татьяна Михайловна Тронина
Лариса Райт
Ирина Львовна Крицкая
Коварство Золушки.
Современные рассказы
о любви (сборник)
Серия «Современные
рассказы о любви»**

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11286804

Коварство Золушки. Современные рассказы о любви : сборник / Ма-рия Метлицкая, Олег Рой, Маша Трауб и др.: Эксмо; Москва; 2015

Аннотация

Фомина с детства была крайне осмотрительной и примерной во всех отношениях. Вот и выросла очень консервативной и слегка старомодной девицей. Неизменная тугая коса – потому что так удобно, институт рядом с домом – потому что близко. Свободное время – за книгой, потому что не за мужчинами же ей бегать! Да и вообще, отношения как таковые ее и не интересуют. Но все это – ровно до тех пор, пока лучшая и единственная подруга не знакомит ее со своим женихом Демидом. Демушка сказочно красив, как леденец в яркой рождественской обертке. Устоять невозможно! И тут в голове скромницы Золушки возникает по-настоящему коварный план...

Хотите узнать, чем обернулась эта история? Или истории других, не менее оригинальных женщин? Читайте новый сборник рассказов о любви!

Содержание

Мария Метлицкая	5
Адуся	5
В четверг – к третьей паре	38
Лариса Райт	42
Конец ознакомительного фрагмента.	90

Коварство Золушки. Современные рассказы о любви (сборник)

Мария Метлицкая

Адуся

Адусины наряды обсуждали все и всегда. Реже – с завистью, часто – скептически, а в основном – с неодобрением и усмешкой. Еще бы! Все эти пышные воланы, сборки, фалды и ярусы, бесконечные кружева и рюши, ленты и тесьма, буфы и вышивка, панбархат, шелк, крепдешин и тафта – все струилось, переливалось и ложилось мягкой волной или ниспадало тяжелыми складками.

Совсем рано, в юности, придирчиво разглядывая в зеркале свои первые мелкие прыщики, недовольно трогая нос, подтягивая веки и поднимая брови, Адуся поняла: нехороша. Этот диагноз она поставила уверенно, не сомневаясь и не давая себе, как водится, никаких поблажек. Сухая констатация факта. Была, правда, еще слабая надежда на то, что буйный и внезапный пубертат все же осторожно и милостиво

отступит, но годам к семнадцати и она прошла. К семнадцати годам, если тому суждено, девица определенно расцветает. Не вышло. Теперь оставалось либо смириться и жить с этим – навсегда, либо пытаться что-то изменить. Адуся выбрала второе.

Жили они вдвоем с матерью, которую Адуся безмерно обожала. Мать служила в театре оперетты, дарование было у нее скромное, но была она определенно красавицей и дамой светской, то есть посвятившей жизнь самой себе.

С Адусиным отцом, рядовым скрипачом театрального оркестра, она рассталась вскоре после рождения дочери, так до конца и не поняв, для чего был нужен этот скоротечный (будто кому-то назло, что, видимо, так и было) брак с некрасивым, тощим и носатым мужчиной. И зачем ей ребенок от этого брака – некрасивая болезненная девочка, точная копия отца. Ах, если бы девочка была похожа на нее! Такая же белолицая и гладкая, с той прелестной женственной полнотой, которая не режет, а радует глаз. С шелковистой кожей, пухлыми губами, с темными, густыми, загнутыми кверху ресницами! Ах, как бы она ее любила, наряжала бы, как куклу, демонстрировала с гордостью знакомым, обнимала бы ее и тискала без конца. А так чем хвастаться? Тощим, нескладным, неуклюжим подростком с унылым носом. Вся ее истинно женская плоть и прелесть отвергала дочь с тем негодованием, с которым признают неудавшийся опыт.

Поздним утром после долгого и крепкого сна мать с раз-

дражением и неудовольствием глядела на Адусю, так старавшуюся ей угодить! Крепкий кофе со сливками, гренки с малиновым джемом – не дай Бог пересушить, апельсин, конечно, очищенный и разобранный на дольки... Адуся матерью любовалась. Даже после сна, с припухшими веками и всклоченной головой, она казалась дочери богиней и небожительницей.

После кофе мать откидывалась в кресле, вытягивая изящные ноги в парчовых, без задника, с меховым помпоном шлепках, закуривала и начинала вещать, с неудовольствием оглядывая дочь:

– Нос надо убрать. Сейчас это делают эле-мен-тар-но! – произносила она по складам. – Жри булки и манку. Господи, живые мощи! Ну кто на это может польститься? Гены – страшное дело, ну ничего от меня, ничего, – вздыхала она. – И как мне тебя пристроить?

Иногда, в короткие периоды затишья между многочисленными бурными романами, она пыталась преобразить дочь. Вызывала своего парикмахера, подщипывала Адусе брови, красила ресницы, милостиво швыряла ей свои сумочки и туфли, заматывала вокруг тощей шеи длинные нитки жемчужных бус... Но потом, не получив искомого результата, быстро теряла интерес к процессу.

К полудню приходила домработница Люба. Мать вяло отдавала ей приказания, удобно устраивалась в спальне с телефоном – и начинала бесконечные перезвоны с армией по-

дружек и поклонниц. Обсуждались наряды, романы и сплетни без числа. Адушя же собиралась на работу. Работала она утро-вечер, через день. В соседней сберкассе, в окне приема коммунальных платежей.

Еще будучи совсем юной девицей, она решила поспорить с природой, скупко предложившей ей такой скудный и обидный материал. Критически разглядывая себя в зеркало – размытые брови, близко посаженные глаза, узкий рот, руки, похожие на птичьи лапки, плоскую грудь, тонкие ноги, – Адушя пыталась найти и что-нибудь позитивное. И находила! Волосы были не густые, но пышные, легкой волной. А талия! Где вы видели талию в пятьдесят четыре сантиметра? Правда, увы, на этом список удачного заканчивался, но Адушя вывела разумную формулу. Надо суметь себя преподнести. Не вставать в унылую очередь дурнушек, а выделиться из толпы. Обратит на себя внимание. Объяснить всем, что она особенная. Необычная. В конце концов, главное – суметь в этом всех убедить.

И Адушя принялась за дело. Тогда-то она и подружилась с Надькой-инвалидкой, так безжалостно прозванной Адусиной матерью за высохшую ногу в тяжелом и уродливом ботинке. Надька была молчуньей, с недобрым затравленным взглядом, вся сосредоточенная и заикленная на двух вещах – своей болезни и своей работе. Из дома она почти не выходила, стеснялась. Продукты ей приносила соседка, умело обманывавшая Надьку, – цен та совсем не знала. А вот

от клиенток не было отбоя. Работала Надька с утра до поздней ночи. Портнихой была от Бога – шила с одной примеркой, никогда не повторяя модели и не сталкивая лбами капризных клиенток. Кроме обычной и точной закройки, она безошибочно угадывала фасоны, удачно скрывала недостатки и подчеркивала достоинства фигуры. Ей достаточно было одного быстрого взгляда, чтобы все оценить и не ошибиться. И брюки, и деловые костюмы получались у нее превосходно, но все же ее коньком были вечерние туалеты. Здесь Надька отрывалась по полной – вышивала узоры, обвязывала золоченой тесьмой, выдумывала затейливые аппликации, оторачивала мехом и перьями, крутила немислимой красоты цветы из обрезков бархата, тафты и меха. Деньги за заказы брала большие – но кто с ней спорил? С ее талантом, чутьем и безупречным вкусом считались безоговорочно. Она молча выслушивала нервных и капризных дам, кивая или не соглашаясь, крепко сжав в тонких бесцветных губах снопик булавок.

Обшиваться у Надьки считалось привилегией и хорошим тоном. Со всеми она держала непреодолимую дистанцию, а вот с Адусей получилась почти дружба. Почему – вполне понятно. Адусю она сразу причислила к несчастным – некрасива, небогата, нечванлива, без капризов. И к тому же одинока. Это их и роднило. Адуся приезжала не просто по делу на примерку, торопясь и нервничая перед зеркалом. Без настойчивых просьб: «Надя, милая, побыстрее, пожалуйста.

Меня ждут внизу в машине (водитель, муж, любовник)!» Приезжала Адуся к Надьке именно в гости. С утра в субботу и на целый день – с хрустящими вощеными пакетиками с кофе из «Чайуправления», только что молотым, и с коробкой разноцветных пирожных из «Праги» – лучшей кондитерской тех лет. Обе были заядлые кофеманки и сластены. Надька варила кофе – целый кофейник на весь день, освобождала половину огромного стола, заваленного бесконечными выкройками, булавками, мелками, обмылками и обрезками – и начинали свой сладкий пир две одиноких души.

Только ей, Адусе, своей единственной и закадычной подруге, Надька доверила свою страшную тайну, ни одной душе неведомую. Тайну о том, как однажды остался у нее на ночь мужчина, водитель одной из клиенток, заехавший вечером за готовым заказом. Остался на ночь. А утром, увидев у кровати безобразный черный, кособокий Надькин башмак, бросился в ванную, где его вырвало прямо в раковину. Так Надька в одночасье распрощалась с девственностью и иллюзиями.

Адуся сочувствовала бедной Надьке, и обе, обнявшись, плакали. Еще Адуся слегка жаловалась подруге на свою резкую, бесчувственную, но все же такую обожаемую мать и вторым пунктом, конечно же, – на тотальное отсутствие женихов. В перерывах между кофе и перекурами Надька ползала по полу – кроила она только там. Потом Надька раскрывала журнал и предлагала Адусе самые свежие модели, изме-

ненные и усложненные буйной фантазией и талантом портнихи. Адуся все принимала с восторгом и восхищением.

И начиналось священнодействие. Красили в крепком растворе чая кружева, приобретающие цвет топленого молока или подбеленного кофе, разрезали широкоую, с золотой ниткой, тесьму, поуже – на рукав, пошире – на оборку, клеили фиксированные, твердые банты из атласа и капрона, завязывали на свободный крупный узел мягкие шелковые галстуки, обтягивали большие старые пуговицы парчой. Оторачивали обрезками голубой норки весенний светло-серый суконный жакет, кроили легкие, полупрозрачные блузки с обильным жабо, высоко вздергивали фонари рукавов и безжалостно зауживали длинные манжеты, разрывали нити старых бутафорских жемчужных бус и пускали горошинами по воротнику и передней планке платья...

Адуся мужественно мерзла у огромного мутноватого старого зеркала в коридоре, ежась в колючей немецкой кружевной комбинации, а Надька ползала вокруг нее, закалывала, подкалывала, чиркала мелом, бряцала огромными ножницами. Она отползала от Адуси на пару шагов и, прищурясь, довольная, оценивала свою работу. И тощие, с пупырчатой кожей, посиневшие от холода ноги подруги с крупной грубой щиколоткой, тонкой икрой и мосластыми коленями казались Надьке абсолютным воплощением красоты. Потому что это были две здоровых ноги. В изящных туфельках на каблуках. Две полноценных и крепких ноги. А значит, есть шанс на

успех и победу. Надька горестно вздыхала и еще крепче сжимала свои узкие, почти бескровные губы. Сейчас, вот сейчас Адуся наденет свою пышную юбку, кокетливо закрутит шелковый шарфик на блузке, обует ноги в замшевые ботильоны на высоком и неустойчивом каблучке, ярко подкрасит губы, встряхнет легкими рыжеватыми волосами – и выскочит на освещенную улицу. Выскочит в жизнь. В ее быстрый поток, бурлящий водоворот. И застучит каблучками по мостовой. И все в ее жизни еще будет, будет наверняка. А в ее, Надькиной, жизни? В который раз Надька придиричиво и настороженно смотрела на себя в зеркало: огромные, с черным ободком вокруг серой радужки, глаза, короткий прямой нос, темные густые волосы, жесткие, как щетка, бледное, почти белое лицо (конечно, совсем без воздуха) и тонкий, искривленный в печальной гримасе рот. Неухоженность, полное безразличие к своей женской природе – это природе в отместку за то, что так жестоко она с ней обошлась. Надька тяжело вздыхала и садилась за свою нескончаемую работу. В этом и было ее истинное утешение.

Адуся легко выпархивала из захламленной душной Надькиной квартиры и с жадностью вдыхала московский воздух. Она тихо открывала дверь ключом – не дай бог нашуметь, вдруг мать задремала – и слышала один и тот же недовольный материн вопрос:

– Это ты? – Как будто это опять ее очень огорчило и разочаровало.

– Я, мамуся, – громко отвечала она.

– Господи! – почему-то тяжело вздыхала мать.

Однажды мать ушла в спальню, взяв с собой телефон. По квартире черной змейкой струился перекрученный телефонный шнур. Мать плотно закрыла дверь в спальню. Адуся осторожно подошла к двери и услышала раздраженный и возмущенный голос.

– Глупость, бред! – кипятилась мать. – Это в мои-то сорок! Это он не знает, сколько мне, а я-то знаю. И потом, один опыт у меня уже есть! Не самый удачный. Да, мужик стоящий, богатый, но зачем мне трое его детей – мал мала? Что я с ними буду делать? Эти эксперименты не для меня. И этот вечный кавказский траур по его умершей жене... Наверняка в Москве он жить не станет. Мне уехать в Баку? Ну и что, что роскошный дом, ну и что, что тепло? А если он на ребенка не клонет? Я понимаю, что вряд ли. Да, у них это не принято. Дети – святое. А если нет? Если просто не сложится и я там не смогу? И с чем я останусь? Одинокая стареющая второ-разрядная певичка почти без ролей? С двумя детьми? Да-да, Адуся уже взрослый человек. Но ведь и я не сумасшедшая.

Адуся замерла под дверью. Господи, мать попалась! Ничего себе история! Она лихорадочно перебирала возможных претендентов на отцовство. Ах да, был какой-то поклонник – бакинский армянин, моложе матери на добрый десяток лет, вдовец, человек щедрый и, скорее всего, не бедный. И живо вспомнила корзины ярких фруктов, огромные, словно сно-

пы, перевязанные лентой тугие букеты роз на плотных зеленых стеблях. Значит, речь идет о нем! Что же будет? А вдруг мать все же решится и оставит ребенка? Тут Адусе стало и вовсе нехорошо: к горлу подкатила тошнота, и по спине потек холодный и липкий пот. Она прислонилась к стене и прикрыла глаза. Боже, какая угроза! Ведь может измениться вся ее жизнь – какой-то непонятный молодой мужик, трое его детей, еще один ребенок, новорожденный, их общий с матерью. А она? Ее роль во всей этой истории? Нянька, вытирающая сопли всей этой ораве? От такого кошмара у Адуси закружилась голова, и она присела на корточки.

Но ничего этого не случилось, а случилось совсем другое – страшное и неисправимое. Ее сорокалетняя красавица мать умерла спустя месяц от кровотечения – осложнения после аборта, сделанного на приличном сроке. Похороны были пышные и многолюдные. Все как любила покойница. Скорбели потрясенные случившимся бывшие любовники и действующие подруги. Последнего возлюбленного, косвенно имевшего отношение к этой драме, на похоронах не было. Разыскивать его, вызывать из другого города у Адуси не было ни сил, ни времени. Да и к чему все это? При чем тут он?

Мать лежала в гробу бледная, прекрасная и успокоенная. Отгремели все страсти ее недолгой жизни, разом решились все проблемы. Как все просто. И как все страшно.

Адуся осталась одна в большой «сталинской» трехкомнат-

ной квартире с эркером. По матери она тосковала безгранично. Обливаясь слезами, она перебирала ее колечки и браслеты, подносила к лицу платья, еще пахнувшие ее духами, спала в ее постели, зарываясь лицом в ее подушки... И все никак не решалась сменить и выстирать белье, хранившее, как казалось Адусе, материнский запах. Она страдала, совершенно забыв и презрев материнскую холодность и отрешенность. Вечерами, заливаясь слезами, Адуся перебирала драгоценности матери, целовала их, гладила и аккуратно складывала обратно в мягкие бархатные и фланелевые мешочки, потом куталась в шубы – норковую и каракулевою, которые были ей, конечно, велики и которые она все никак не решалась отнести к Надьке и переделать по фигуре.

О том, чтобы что-то продать из украшений или старинных вещей, так любимых матерью, которая понимала в них толк, не могло быть и речи. Жить теперь приходилось на свою более чем скромную зарплату. Раньше, при матери, о деньгах думать особенно не приходилось. Сейчас же на счету была каждая копейка, каждый рубль – что оказалось непривычно. Адуся терялась и расстраивалась, бесконечно считая жалкий остаток. Домработницу Любу она, конечно же, рассчитала. На что ей домработница? Так и жила – одиноко и неприкаянно. Из подруг – только верная Надька, тоже одинокая душа.

Впрочем, была у Адуси и любовь. Правда, любовь тайная и неразделенная, так как предмет страсти о ней и знать не

знал. Это был сын старинной подруги матери, некоей Норы, бывшей балерины, в далеком прошлом известной московской красавицы и вдовы-генеральши. Предмет звался Никитой и вполне бы мог сойти за былинного русского богатыря – косая сажень в плечах, пшеничные кудри, синие глаза. Любила Адуся Никиту давно, с детства, пожизненно и безнадежно, ибо Никита был бог, царь и фетиш. И ему, как богу и царю, было все дозволено и все заранее прощалось. На самом деле он был заурядный и обычный пошловатый бабник и ходок, но Адуся так даже и думать не смела, ни боже мой. В ее сердце имелась ячейка, сейф, куда были припрятаны все тайны и сокровенные мысли (грустные, надо сказать, мысли). Никогда, никогда... Кто она и кто он? Да разве можно себе это представить? Любовь к Никите – отдельная песня, отдельная строка.

Ах, пустые девичьи грезы! В повседневной жизни был вполне прозаический снабженец с Урала Володя, остряк и балагур, то исчезающий, то вдруг внезапно возникающий, как черт из табакерки. Появлялся он редко и на пару дней – случайные нечастые командировки – и поддерживал эту связь только для собственного удобства. Был еще тихий и слегка пришибленный аспирант Миша, живший с полубезумной старухой матерью и посему поставивший жирный крест на устройстве личной жизни. Приходил он к Адусе где-то в две недели раз, зажав в вялой руке три помятые и пожухлые гвоздики, долго пил на кухне чай и, не поднимая глаз, нудно

прощался, топчась в прихожей. Все это было тускло, мелко и обременительно, не приносило радости и не сулило жизненных перемен. А ведь хотелось игры, интриги, страсти, наконец... Мамины гены, пугалась Адуся.

Никиту она считала неприкаянным и, естественно, несчастливым вечным странником. Что эта глупая череда круглоглазых красоток? Конечно же, только она, Адуся, сумеет разглядеть его мятущуюся душу, только она, умная, тонкая и остро чувствующая, сумеет дать ему истинное счастье и радость.

Мечтая ночами, она видела себя, хрупкую и нежную, идущую под руку с ним, таким большим и сильным. И конечно же, читающую ему стихи:

– «Сжала руки под темной вуалью...»

Или лучше так:

– «Как живется вам с другою женщиною, без затей?»

Она-то, Адуся, была, конечно, с затеями, не то что те, другие!

К Норе она заезжала часто, естественно, в надежде увидеть Никиту. Подруга матери уже сильно хворала – особенно подводили ноги, когда-то сводившие с ума пол-Москвы. Профессиональная болезнь бывшей балерины – суставы. Перевигалась она по квартире с палкой, из дома почти не выходила, сильно располнела и запустила себя, обнаружив к старости страсть: много и вкусно поесть. Компенсация за вечные диеты и голодовки в молодости.

Обычно Адуся заглядывала в «Прагу» и набирала любимые Норой деликатесы: холодную утку по-пражски, заливной язык, ветчинные рулетики и знаменитые «пражские» пирожные. Денег тратила уйму. Но Нора – единственный мостик между Никитой и Адусиными грезами. Одинокая и всеми покинутая бывшая светская львица, полная, кое-как причесанная, тяжело опирающаяся на палку, была ей всегда рада.

Садилась на кухне – Адуся по-свойски хозяйничала: варила кофе, раскладывала на тарелки принесенные вкусности. Нора, как всегда, много курила и поносила Никитиных баб. Это была ее излюбленная тема. Адуся узнавала все до мельчайших подробностей, совершенно, казалось бы, ей ненужных, но на самом деле из всего сказанного и рассказанного она делала собственные выводы. Скажем, так она узнала про парикмахершу Милку, здоровую дылду и дуру, про полковничью неверную жену Марину, уродину и старую блядь (с Нориных слов, естественно), про медсестричку Леночку, в общем, славную, но простую, слишком простую. И далее – по списку. Адуся в который раз варила крепкий кофе, металась от плиты к столу, поддакивала, осторожно задавала вопросы и мотала на ус. Ничего не пропускала. Ах, как нелегка была дорога, как терниста и извилиста узкая тропка к просторной и любвеобильной Никитиной душе!

Нора жирно мазала дорогуций паштет на свежую сдобную булку, безжалостно крушила вилкой хрупкую снежную

красоту высокого беже, шумно прихлебывала кофе и трясу-щимися желтоватыми пальцами с еще крепкими круглыми ногтями в ярком маникюре давила окурки в гарднеровском блюде.

Иногда, редко, загоразивая широким разворотом богатырских плеч дверной проем, возникал случайно забредший в отчий дом странник Никита. Адуся заливалась краской и опускала глаза. Никита оглядывал лукуллов пир, усмехался, неодобрительно качал головой и непременно каламбурил по поводу Адуси, что-нибудь вроде:

– Ада, какие наряды! Последняя коллекция мадам Шанель? Парижу что-то оставили?

И непременно цеплялся с матерью. Присаживался за стол и укорял смущенную гостью:

– Губите матушку, Адочка: уже и печеночка не та, и желчный шалит. И вы, маман, все туда же. Какая, право, несдержанность!

В общем, паясничал. Нора – крепкий еще боец – в долгу не оставалась.

– Что, шелудивый кот, нашлялся, еще не все волосы на чужих подушках оставил? – отвечала Нора, а в глазах гордость и что-то вроде умиления – моя кровь!

– Маман все не может успокоиться, что придворный абортарий был закрыт тогда на профилактику, – острил Никита. – Вот так, Адочка, волею судеб я совершенно случайно появился на свет. Увы! – тяжело вздыхал он и разводил ру-

ками.

Адуся опять краснела, как бурак, и поддакивала то Никите, то Норе. Так коротали время. Потом, когда спектакль был завершен и общество дам Никите порядком надоедало, он вставал и уходил к себе. Адуся интересовала его исключительно как зритель. Больше – ни-ни. Все ее ухищрения и старания были напрасны. Адуся домывала посуду, подметала захламленную кухню и старалась поскорее избавиться от занудной Норы.

После визита она обычно не спала – перебирала в голове Никитины фразы и с горечью признавалась себе, что все ее старания напрасны. Ни-че-го! А какие усилия! Самая модная в сезоне стрижка, французские косметика и духи, черное бархатное платье с фиолетовой шелковой розой, итальянский сапожок – черный, лаковый, с кнопочкой на боку – о цене лучше не думать. Пирамида картонных коробок из «Праги», дорогушие и дефицитные желтые розы в хрустящем целлофане. Сама Адуся – изящная, трепетная, элегантная. Если верить Норе, таких изысканных и тонких женщин у него вообще никогда не было, горестно вздыхала несчастная, ворочаясь на жестких подушках. Отплакавшись, успокаивалась: «Не все еще потеряно! Не отступлюсь ни за что», – и засыпала под утро счастливым сном. Ах, надежда, вечный спутник отчаяния! И конечно, его величество случай, как часто бывает.

После очередного гастрономического безумства (в тот раз

это был жирный окорок) Нора загремела в больницу с приступом панкреатита. Сопровождали ее Никита и срочно вызванная по телефону Адуся. В приемном покое Нора громко рыдала, и прощалась, и просила Адусю позаботиться о бедном и одиноком Никите, моментально позабыв все претензии к сыну. Адуся мелко кивала головой, гладила Нору по руке и обещала ей не оставлять Никиту ни при каких обстоятельствах. Нора потребовала клятвы. Конечно, она слегка переигрывала и вовсе не собиралась помирать, но роль трепетной матери, как ей казалось, играла вполне убедительно.

Обещание, данное Норе на почти смертном одре, Адуся решила исполнять сразу, заявив сонному и растерянному Никите, что недолгий остаток ночи она проведет у него. Во-первых, как ей одной сейчас добираться до дому? Во-вторых, завтра нужно убрать разгромленную после «Скорой» квартиру. В-третьих, приготовить Норе что-нибудь диетическое и, кстати, ему, Никите, обед. Мотивация вполне логичная. Он равнодушно кивнул.

Утром следующего дня Адуся взяла на работе отгулы и осторожненько перевезла в Норину квартиру часть своих вещей, не забыв ни духи, ни кремы, которые аккуратно расставила на стеклянной полочке в ванной рядом с Никитиным одеколоном и принадлежностями для бритья, обозначив таким образом свое законное присутствие. И принялась за дело. Сначала вымыла мутные окна и постирала занавески, потом выкинула все лишнее, которого было в избытке, – под-

гнившие овощи, старые картонные коробки, чайник с отбитым носиком, пустые коробки из-под шоколадных конфет, подсохшие цветы. Далее вымыла со стиральным порошком ковры – жесткой щеткой. Выкинула из холодильника куски засохшего сыра и колбасы. Начистила кастрюли, отмыла содой потемневшие чашки. Протерла мясистые, плотные и серые от пыли листья фикуса. Мелом натерла до блеска темные серебряные вилки и ножи. Сварила бульон, мелко крошив туда морковь (для цвета) и петрушку (для запаха). Протерла через сито клюкву – морс для бедной Норе. Сбежала в аптеку и за хлебом (брезгливо выкинула из хлебницы заплесневевшие горбушки). По дороге купила семь желтых тюльпанов – воткнула их в низкую пузатую вазу и поставила на кухонный стол. Оглядела все вокруг. Квартиру просто не узнать! Осталась всем вполне довольна – и поспешила к Норе в больницу. Напоила ее морсом с сухими галетами, умыла ее, причесала, долго и подробно беседовала с лечащим врачом и строго разговаривала с бестолковой нянечкой, дав ей денег и приказав подавать Норе судно и поменять постель.

Еле живая притащилась вечером по месту своего нового, временного (хотя кто знает) жилища. Еле ногами перебирала, но, увидев в прихожей красную Никитину куртку, распрямила спину, завела плечи назад и натянула самую лучезарную из улыбок. Никита помог ей снять пальто и участливо спросил:

– Устала?

Адуся махнула рукой, ничего, мол, ерунда, чего не сделаешь ради близких и дорогих людей? Он подал ей старые, разношенные Норины тапки, но Адуся достала свои – каблучок, открытая пятка, легкий розовый пушок по краю. И накинула халатик – тоже в тон, розовый, с блестящим шелковым пояском. Крепко затянула этот самый поясок – талия! Двумя пальцами обхватишь, если пожелаешь, и устало опустилась в кресло.

– Чаю? – вежливо осведомился хозяин.

Адуся кивнула. Чай она пила медленно, изящно, как ей казалось, чуть отставив в сторону мизинец, и подробно рассказывала про больницу и врачей. Никита слушал и уважительно кивал головой:

– Ну, ты, Адуся, даешь! И что бы мы без тебя делали, пропали бы не за медный грош.

В первый раз без своих шуток и каламбуров. А потом серьезно так сказал:

– Спасибо тебе, Адка, за все. И за мать, и за квартиру – так чисто у нас никогда не было. Может, поживешь у нас, пока мать в больнице? – с надеждой спросил он.

Адуся вздохнула – и согласилась. С достоинством так. О мужчины! Кто же из нас завоеватель? Или так изменился мир? Как может быть изобретательна и коварна в своих замыслах даже далеко не самая искушенная женщина, сколько физических и душевных сил нужно потратить ей, маленькой и слабой, чтобы вы хотя бы обратили на нее свой взор! И как

вы, ей-богу, наивны и туповаты. Но мы не злодейки и ставим силки не по злему умыслу и не для оного. Кто же может осудить человека за естественное желание быть любимой и счастливой?

Адуся легла в Нориной комнате. Конечно, ей не спалось. Так близко, за стеной, спал главный человек ее жизни. Спал, похрапывая, ни о чем не печалась. Она смотрела на потолок, и он казался ей звездным небом.

А среди ночи ужасно захотелось есть. Она вспомнила, что в хлопотах за целый день не съела ни куска. Осторожно, крадучись, не включая света, пробралась на кухню и открыла холодильник. Так и застал ее, жующую холодную куриную ножку, Никита, поднявшийся среди ночи по малой нужде. От ужаса Адуся поперхнулась, а Никита испугался и хлопнул ее по спине. Все насмарку! Так оконфузиться! На глазах выступили слезы. Но Никита и не думал насмехаться.

– Проголодалась, бедная? – участливо спросил он и налил ей чаю. – Сядь, поешь по-человечески, – предложил он обалдевшей Адусе. А потом сказал тихо: – Иди ко мне.

«Господи! От меня же пахнет курицей», – с ужасом подумала неудачливая соблазнительница. Но Никите это было, похоже, по барабану. Он властно притянул Адусю к себе. А потом легонько шлепнул по почти отсутствующей филейной части и подтолкнул ее в свою комнату. И Адуся познала рай на земле. Или побывала на небесах. Впрочем, какая разница, если человек счастлив?

Бедная Надька-инвалидка выла от тоски и одиночества. Даже верная подруга Адуся пропала и не объявлялась. Изодня в день Надька видела перед собой прекрасных и благополучных женщин. Вместе с ними залетали в Надькину унылую квартиру запах ранней весны, небывалых духов, легкость, и беспечность, и сногшибательные истории. Клиентки крутились перед зеркалом в прихожей, кокетливо щурились глаза и придирчиво и довольно осматривали свое отражение. Надька видела их упругие бедра и грудь, стройные ноги, тонкое кружевное белье и вдыхала их аромат – аромат полной жизни и свободы. Они звонили по телефону и капризничали, повелевающими голосами разговаривали с мужьями и нежным полупшепотом ворковали с любовниками.

Вечером, оставшись одна, впрочем, как всегда, Надька залпом выпила стакан водки и подошла к зеркалу в прихожей. Она долго и подробно рассматривала свое отражение. Стянула черную «аптекарскую» резинку с хвоста, встряхнула головой – по плечам рассыпались густые, непослушные пряди. Она взяла черный, плохо заточенный карандаш и толстой, неровной линией подвела глаза – к вискам. Потом ярко-красной помадой, забытой какой-то рассеянной клиенткой, она яростно и жирно черкала по губам – и в ее лице появилось что-то ведьминское, злое и прекрасное.

Потом Надька скинула халат и провела пальцем по своему телу – по маленькой и твердой груди с острыми и темными сосками, по впалому и бледному животу, по чуть заметной

темной дорожке от пупка вниз, к паху. И вдруг ей показалось, что она прекрасна и ничуть не хуже их, тех, кому она так завидует и кем тайно любит. Но потом взгляд упал на тонкую, сухую, изуродованную болезнью и грубым высоким черным башмаком ногу, и Надька зашептала горестно и безнадежно: «Но почему, почему?» Ее начала бить крупная дрожь, она накинула чье-то недошитое манто из серебристой чернобурки, допила водку и уснула на кухне, уронив бедную голову на стол – злая, несчастная и обессиленная.

А Адуся с утра жарила омлет. Не банальный омлет – яйцо, молоко, соль, все взбить вилкой. Это был омлет – произведение искусства, завтрак для любимого. Адуся томила до мягкости ломтики помидоров, взбивала до белой пены яйца, щедро крошила зелень и терла острый сыр. Потом она варила кофе, жарила тосты, красиво сервировала стол – клетчатая льняная салфетка, приборы, букет тюльпанов. Все это она делала, пританцовывая на легких ногах и что-то негромко напевая – слух у нее был неважный. Жизнь прекрасна! Чего ж еще желать! Никита сел завтракать, удивляясь и слегка пугаясь такому натиску – Адуся положила в кофе сахар и размешала его ложкой, а сливки взбила венчиком и аккуратно влила в чашку. «Так вкуснее», – пояснила она.

Никита молча жевал и кивал. Сама Адуся есть не стала, а только аккуратно прихлебывала кофе, присев на краешек стула, и что-то щебетала. Он посмотрел на нее – легкие кудряшки, тонкие ноги, длинный острый носик, узкие,

словно птичьи лапки, руки. Пестрый халатик – птичка, ей-богу, ну просто птичка Божья. А старается как! «Смешно и нелепо», – подумал он, и что-то вроде жалости на мгновение мелькнуло у него в душе. Он глубоко вздохнул и поблагодарил за завтрак.

Адуся продолжала хлопотать – обед, уборка, собрать что-то в больницу Норе, днем – сама больница. А вот вечером – вечером их с Никитой время. Ужин при свечах! Все получается так легко и складно!

Нора в больнице капризничала, просила есть и рвалась домой – отпустило. Но скорая Норина выписка в планы Адуси никак не входила. Для начала нужно укрепить тылы и прочно занять оборону. Вечером накрыла в гостиной – свечи, салфетки в кольцах. Никита глянул и коротко бросил:

– К чему это?

Молча поел на кухне и ушел к себе, плотно прикрыв дверь. Адуся в ванной умывалась слезами – сама виновата, надо было мягче, осторожнее. Ночь промаялась, не спала ни минуты, утром, сомневаясь и дрожа, все же зашла осторожно, чуть скрипнув дверью, в его комнату и легла, умирая от страха, на край постели. Никита вздохнул во сне, заворочался, повел носом, как собака, почуявшая дичь, – и, конечно, ни от чего не отказался. Он взял ее грубовато, коротко, не открывая глаз, и опять крепко уснул, а Адуся лежала рядом, тихо всхлипывая, и никак не могла решить, страдать ли ей дальше или все-таки радоваться.

Утром Никита был весел, шумно брился в ванной, громко фыркал, шумно сморкался, а на пороге щелкнул легонько и необидно Адусю по носу – не придумывай себе ничего, угу? И был таков. Ах, ах, опять слезы, красные глаза, распухший нос, настроения никакого. Плюнуть, собрать вещи, уйти? Ну нет, мы еще поборемся, твердо решила Адуся. Это с виду я такая – переломишь, а внутри – стальная пластина. «Эх, медведь бестолковый, – с нежностью думала Адуся, – не видишь своего счастья! Всю жизнь тебе готова служить верой и правдой. И служить, и прислуживать – ничего не зазорно. Только бы быть рядом с тобой!» Вечером у Никиты было вполне сносное настроение – он шутил, беззлобно подтрунивал над Адусей, и уснули они вместе. Не все потеряно! Жизнь опять решила улыбнуться!

Нору забирали через две недели. Старуха опять ныла, ругалась с сыном и цыкала на бедную верную Адусю. Дома, внимательно оглядев чистую и помолодевшую квартиру и оценив диетический, но вполне сносный ужин – куриное суфле, творожный пудинг, запеченные яблоки с корицей, – она попросила пожить у них еще несколько дней: по причине ее, Нориной, слабости и нездоровья, естественно. Адуся согласилась.

Спала она теперь на узком диване в столовой, а ночью крадучись пробиралась в комнату Никиты. Он принимал ее с легким вздохом – как бы в благодарность за оказанные услуги. Но разве она хотела это замечать? Нора быстро поняла

про все удобства, связанные с проживанием Адуси, и моментально раскусила их так называемый роман, втайне надеясь, что ее беспутный сын наконец образумится – и дай бог... Своим практическим умом она, конечно, понимала, что лучшей жены ему не найти, а уж ей невестки – и подавно.

Адуся осталась еще на неделю, потом еще – и постепенно и осторожно перевозила свои вещи к ним в дом, тайно и страстно мечтая задержаться там навсегда.

Со временем стало вырисовываться подобие семейной жизни – с общими ужинами, походами на рынок (ах, я не подниму тяжелые сумки!), в кино, вечерним поздним чаем на кухне, совместным просмотром какого-нибудь фильма по телевизору, когда Адуся, уютно позвякивая спицами, вязала Никите свитер из плотной белой шерсти со сложным модным северным орнаментом на груди – красными оленями с ветвистыми рогами.

Никита почти не взбрыкивал, лишь иногда вечерами исчезал ненадолго, а однажды и вовсе не пришел ночевать. Но Адуся – ни слова. Так же подала завтрак и размешала сахар в чашке. Никита усмехался – вся ее игра шита белыми нитками, наивно и смешно, паутину плетет, соблазнительница коварная. Ей, Адусе, к тридцати, замуж хочет, понятное дело. Шансов немного, хоть и славная, в общем, девка. Смешная, нелепая, старается изо всех сил. Но его, Никиту, так просто не окружишь. Да и к чему все это? Быт волновал его мало, жил же и не тужил и без ее забот, детей не хотел – какие, пра-

во, дети? А жениться? Жениться надо по любви. Какой у него расчет? Смешно, ей-богу, на нее и на маман смотреть. Порешали все негласно, умницы какие! Да и сколько еще красивых и молодых баб, не охваченных Никитой? Добровольно от всего этого отказаться? Ради чего? Ради совместных посиделок вечером в кресле у телевизора? Чушь какая! Все эти завтраки, ужины, крахмальные рубашки, туфли, начищенные до блеска, да и сама Адуся, в конце концов...

Хотя, чего лукавить, втянулся как-то, поддался. В общем, не очень возражал. Сходили даже пару раз в театр, съездили к институтскому другу Никиты на день рождения, где все удивились новой барышне известного бонвивана – смешной и странноватой, закрученной в пышные юбки и кружева. Насмешники нашли ее нелепой, а доброжелатели – трогательной.

К Надьке она тоже Никиту затащила – с уловками и хитростью. Хотелось продемонстрировать свою удачу и состоятельность. Подруга почему-то страшно смутилась, была, как всегда, неразговорчива, то бледнела, то вспыхивала своими неповторимыми серыми очами. Никита курил на кухне.

– Сегодня сделаешь? – с надеждой спросила Адуся. Работа для Надьки была – пустяк, так, подол подрубить и заузить лиф, но она свредничала – бабская сущность – и торопиться отказалась.

Адуся с Никитой вечером собирались в Большой на «Дон-Кихота». Адуся жалобно канючила, а Надька говорила твер-

дое «нет». Завтра к вечеру. Точка. Ушла от Надьки надутая, а потом осенило – завидует. Как все банально! И усмехнулась: ну что ж, милочка, поделаешь. Каждому свое. Уж извини, что так вышло. На балете Никита уснул, но это ее только умилило – устал, бедненький.

Потом Адуся стала прихварывать, не понимая, в чем дело. Забеспокоилась – ее организм, работавший так четко до этого, дал какой-то явный сбой. Болела грудь, потемнели бледные Адусины соски, мутило, совсем не хотелось есть, а хотелось только свежего огурца с солью и томатного сока. И еще все время тянуло в сон. Так бы и спала целый день. В общем, взяла отгулы и валялась на диване. Попросила Никиту съездить к Надьке и забрать платье.

Умная Нора просекла все до того, как поняла Адуся. И просила Бога образумить наконец ее непутевого сына. А еще через неделю исчез и сам фигурант, впрочем, успокоив мать звонком – жив-здоров, просто уезжает, и, видимо, надолго. И еще очень просит мать («ну, ты же у меня умница!») придумать что-нибудь для Адуси. «Ну, что-нибудь, сама знаешь. Она ведь так явно задержалась», – хохотнул он на прощание.

Вечером того же дня Нора уже кричала на несчастную Адусю, называя ее дурой и бестолочью за то, что та не успела сказать Никите про ребенка, все думала, как эту новость торжественно обставить. А теперь ищи его днем с огнем! Где он сейчас, на чьих подушках? Похоже, закрутило его сильно, уж она-то своего сына знает, не сомневайся.

Адуся собрала вещи и уехала к себе. Тяжелее всего было пережить то, что она посчитала за явное оскорбление, – исчез, не поговорив, не сказав ни слова в объяснение, не по-человечески, по-скотски с ней обошелся. За что? Это и было самым горьким.

Страдала она безудержно и отчаянно. Бессердечная Нора ежедневно звонила и уговаривала Адусю сделать аборт: «Одна ты ребенка не поднимешь». Себя она в происходящем, естественно, не видела.

Ребенка Адуся решила оставить. Как можно распоряжаться чужой жизнью? Да и потом, материнская страшная судьба! Чувствовала себя она отвратительно, но душевная боль была куда сильнее, чем недомогание. С работы она уволилась – говорить и видеть кого бы то ни было не было сил. Относила в комиссионку на Октябрьской то серебряный молочник, то столовое серебро, то японскую вазу. Из дома почти не выходила, телевизор не включала, лежала часами на кровати без сна, но с закрытыми глазами. Открывать глаза и видеть этот мир ей не хотелось. К телефону подходить сначала перестала, а потом и вовсе выдернула шнур из розетки.

Однажды, когда одиночество стало совсем невыносимым, Адуся поехала к Надьке, старой подружке. Вот кто поймет и пожалеет – тоже одинокая и неприкаянная душа. Вот заплачемся вволю.

Надька открыла дверь не скоро. Адуся оторопела и не сразу поняла, в чем дело. На лице подруги блуждала странная,

загадочная улыбка, да и вообще она была и совсем не похожа на себя прежнюю – с распущенными по плечам богатыми волосами, с яркими, горящими глазами, в новом красивом платье и с накрашенными губами. «Чудеса, ей-богу», – удивилась Адуся.

Надька стояла в дверном проеме и не думала пропускать Адуся в квартиру.

– Не пустишь? – смущенно удивилась Адуся.

Надька стояла не шелохнувшись и молча смотрела на нее. А потом отрицательно покачала головой.

– Что с тобой, Надька? Занята так, что ли? – догадалась наконец Адуся и бросила взгляд на вешалку в прихожей.

На вешалке висели мужская красная куртка и белый вязаный свитер с северными оленями. У Адуси перехватило дыхание. Они стояли и молча смотрели друг на друга еще минут пять. Вечность.

В голове у Адуси не было ни одной мысли. Только опять сильно замутило и закружилась голова. Она выскочила на лестницу, и там, у лифта, ее сильно вырвало. Надька громко захлопнула дверь и прислонилась к ней спиной.

– Каждый за себя, – тихо сказала она и еще раз это повторила: – По-другому не будет. Каждый за себя.

Адуся сидела на холодных ступеньках, и у нее не было сил выйти на улицу – отказывали и без того слабые ноги. Сколько прошло времени – час, три, пять? На улице было совсем темно. Она подняла руку и поймала такси.

Ночью, в три часа, она проснулась от того, что было очень горячо и мокро лежать. Догадалась вызвать «Скорую». Из подъезда ее выносили на носилках.

В больнице она провалялась почти месяц. Вышла оттуда высохшая, словно обескровленная. Неживая. Ей казалось, что вместе с ребенком из нее вытащили и сердце, и душу заодно. Так черно и выжжено все было внутри. Врачи вынесли неутешительный вердикт. Детей у Адуси быть не может. Отлежала дома еще два месяца – к зеркалу не подходила. Пугалась сама себя.

Поднял ее настойчивый звонок в дверь. Она решила не открывать, но звонившие, похоже, отступить не собирались. И правда, отступить им было некуда. За дверью стоял высокий темноглазый худощавый мужчина с обильной проседью в густых волнистых волосах. За руки он держал двух девочек-близняшек лет семи-восьми, а за его спиной стоял худой мальчик лет тринадцати с печальными и испуганными глазами.

Это был тот самый любовник матери, бакинский армянин-вдовец, невольный виновник ее трагической гибели. Он бежал из Баку, как бежали в ужасе и страхе его собратья, бросив все, чтобы просто спасти свои жизни. В Москве, кроме бедной Адусиной матери, близких знакомых у него не было. Позвонить он не мог – телефон был отключен.

Растерянная Адуся впустила незваных гостей в дом. На кухне дрожащими руками она готовила чай и тихо расска-

зывала, что похоронила мать два года назад. Истинную причину ее гибели открывать она не стала. К чему? И так этот человек пережил слишком много горя. Он рассказывал ей, что пришлось бросить все – дом, вещи, только спастись и бежать. Дети сидели тихо, как мышата, испуганно прижавшись друг к другу.

Они молча выпили чай, и мужчина, тяжело вздохнув, поднялся со стула.

– Куда же вы теперь? – тихо спросила Адуся.

Мужчина молча пожал плечами. Адуся достала из шкафа белье и пошла стелить им постели. Она раздвинула тяжелые шторы на окнах и увидела желто-багровую листву на деревьях и яркое круглое солнце, уходившее за горизонт. И наконец приказала себе жить.

Чужая семья прожила у Адуси полгода, и все ее члены стали ей почти родными, почти родственниками. Она проводила с детьми все свое время, ходила гулять в парк, сидела в киношках на мультиках, возила их в Пушкинский, в Третьяковку и в зоопарк, читала на ночь книги, варила им супы, купала девочек и заплетала их прекрасные волосы в косы. Это и спасло ее тогда от страшной тоски и одиночества: ее собственные беды и страдания как-то становились менее значительными.

Правда, теперь Адуся начала печалиться оттого, что это все обязательно кончится, и кончится совсем скоро, и дети уедут, дом опустеет – и она опять останется одна. Отец се-

мейства целыми днями мотался по инстанциям – собирал бесконечные справки и бумаги на отъезд в Америку к дальним родственникам. Собирались они уехать в Сан-Франциско, где была большая армянская община. Оформили их как политических беженцев.

Адусе было стыдно, но про себя она молила Бога: только бы что-то задержало их в Москве, ну нет, конечно, не что-то серьезное, какая-то затяжка, ну хотя бы еще на пару месяцев... «Дура привязчивая!» – ругала она себя. Но все же почти совсем ожила и даже начала улыбаться. Невесть откуда появились силы – куда деваться, когда столько хлопот и такая семья. Только вот нарядов своих она больше не носила. Ходила теперь в джинсах, свитерах и маечках. На ногах – кроссовки. И волосы остригла совсем коротко, под мальчика. А затейливые свои туалеты собрала в два больших мешка и отнесла на помойку. Кто захочет – заберет, а нет, так черт с ними всеми вместе с ее, Адусиной, прошлой жизнью.

Однажды вечером, когда дети уже спали, Адуся и глава семьи пили на кухне чай. Молчали. Адуся встала со стула, чтобы отнести в раковину чашки. Он поймал ее руку и приложил к своим губам. Адуся замерла, у нее бешено заколотилось сердце. А потом он встал, подошел к ней близко, глаза в глаза, и предложил выйти за него замуж. И прожить вместе всю оставшуюся жизнь. Так и сказал, «сколько отпущено». Что это было? Корысть, вовсе не оскорбительная, а вполне понятная и объяснимая, человеческая благодарность, неис-

требимый и самый сильный из инстинктов – родительский? Что им двигало? Да какая, в общем, разница? Наверное, это был единственный и самый верный выход. Для них, побитых и намордованных жизнью, страдающих и одиноких. Адуся не думала ни минуты. Она тихо сказала «да» и положила голову ему на плечо. И оба ощутили в эти минуты непомерную легкость и покой. Наверное, это называется счастьем. Ведь в жизни, кроме страсти и любовной горячки, есть еще очень важные и значительные вещи.

На деньги, вырученные от продажи Адусиной квартиры, они купили в Америке бизнес – небольшой магазинчик, торгующий спиртными напитками, подобным ее муж занимался на прежней неласковой родине. Дело пошло хорошо – умный и неленивый человек поднимется везде. Сначала сняли небольшую квартиру, а спустя пару лет купили дом с садиком и маленьким бассейном. В саду росли розы всех цветов. Сын поступил в университет, а девочки росли умницами и помощницами и радовали родителей. Муж много работал, а Адуся с удовольствием занималась семьей – готовка, уборка, цветы в саду. В общем, обеспечивала крепкий тыл. И это у нее получалось совсем неплохо. А о своей прошлой жизни она почти не вспоминала. Что вспоминать о плохом, когда вокруг столько хорошего?

В четверг – к третьей паре

Этот короткий период ее жизни не имел не то что четкого, а даже приблизительного обозначения. А обозначать события она вообще-то любила, например, «страстный роман без содержания» или «яркий эпизод с печальным концом» – вспоминать же об этой истории (если вообще это была «история») ей не хотелось и даже было слегка неудобно. Правда, с точки зрения старой бабушкиной морали – умри, но не давай поцелуя без любви. Конечно, ни о какой такой любви не могло быть и речи, но справедливости ради надо было сказать, что все-таки ее немного тянуло к нему, ну, ту самую малость, которая все же может оправдать наши женские глупости и неразумные действия. Да, и еще – это было просто: в четверг – к третьей паре. Болтаться дома не хотелось, ведь наверняка родители приобщили бы к хозяйству или еще того хуже – к занятиям с младшим братом. А так...

Он жил на расстоянии одной троллейбусной остановки, но можно было и пешком. Сидел дома, писал диплом. Однажды, после их знакомства у кого-то на вечеринке, она пришла к нему утром в четверг. Так и повелось. В девять утра он открывал ей дверь и несколько секунд держал в проеме – внимательно, без улыбки смотрел на нее, как бы каждый раз сомневаясь, что она действительно пришла. Под этим взглядом она смущалась, стряхивала снег, снимала куртку. В

квартире пахло каким-то горьковатым одеколоном и только что смолотой арабикой. Она пила кофе, выкуривала сигарету и шла (второй раз за утро) в душ. Времени у них было около двух часов. Вообще-то ей даже нравилось, что за окном еще не совсем светло и совсем холодно, а здесь, в доме, пахнет кофе, и простыни жесткие и свежие, и у него такое гладкое и мускулистое тело. Она ловила губами цепочку на его шее.

– Я люблю тебя, – выдохнул как-то он.

Она пожалала плечами: люби себе на здоровье.

Диалоги о любви с нелюбимыми...

Что может быть скучнее?

Потом они опять пили кофе и курили, и он провожал ее до двери. Ему хотелось прижать к себе ее голову и целовать темные, гладкие волосы, но она быстро выскальзывала из его рук и быстро исчезала.

Он подходил к окну и смотрел, как уходит фигура в красной куртке с белым мехом на капюшоне, дальше и дальше. От него. Она ни разу не обернулась и не махнула рукой. А может, она не знала, что он всегда смотрел ей вслед? Да нет, ей просто не было до этого никакого дела. Она уходила от него в свою жизнь, ту, где она жила без него. Неплохо, между прочим, жила. А он еще долго курил у окна.

В институт она приходила к третьей паре, и в курилке ее умная подруга, похожая на маленькую фарфоровую китаянку, одобрительно кивала головой:

– У тебя умный вид и сытые глаза!

Она морщилась и переводила разговор на другие темы. Так прошла зима. У нее – слава богу, что прошла. У него – от четверга до четверга. К весне она влюбилась.

И, как всегда, эта история не сулила ничего хорошего. Она опять забыла обо всем на свете и даже засобиралась замуж. Четверги кончились, но он ни о чем не забыл. Он не названивал ей по телефону, не караулил ее у подъезда. Правда, однажды он ей все же позвонил и, не здороваясь, уточнил:

– Замуж собралась?

– Ага, – беспечно сказала она. Тогда она вообще была влюблена и беспечна, впрочем, для нее всегда имела значение только любовь.

– Любишь его?

– О господи, ну конечно! Разве я бы вышла замуж по расчету? – почти обиделась она.

– Ты – точно нет, – уверенно подтвердил он. – Ну, будь счастлива!

– Буду! – уверила она его.

О том, что он вскрыл себе вены, что его еле откачали тогда, она так и не узнала. Она была уже далеко в прямом и переносном смысле – в свадебном путешествии. Она никогда не узнала и то, что он, так и не дописав диплом, бросил институт, пил слегка и иногда всерьез, неудачно дважды женился, калымил, бездельничал – в общем, хромал и ковылял по этой постылой для него жизни, словно отбывая срок без надежды на освобождение.

Она прожила жизнь тоже не без осадков: любила, разлюбила, страдала, полюбила опять, разводилась, родила двоих детей, проживала черные и белые дни, неотвратно старела, болела – в общем, все как у всех. О нем она никогда не вспоминала. И что было вспоминать? Так, эпизод. Ерунда, временный, проходящий вариант. Только в юности мы можем позволить себе эту «роскошь» – уйти, не оглянувшись, и думать только о том, как много всего еще впереди. А расплата за чужие, ненароком поломанные судьбы? Но разве мы специально? Просто всегда для кого-то ты будешь недостижима, для кого-то – женщиной из толпы, а для кого-то – единственной и самой главной женщиной на свете.

Они никогда больше не встречались. Да и слава богу! Вряд ли он узнал бы в погрузневшей, уставшей, с гладкой, с проседью и с пучком, головой женщине ту тоненькую девочку с легкими по плечи волосами – главную девочку его жизни. А она и подавно не узнала бы в потухшем, полупьянном, небрежно одетом человеке того юношу с синими глазами и широкой мускулистой грудью. Может быть, если бы они только встретились глазами...

Но разве мы заглядываем в глаза проходим?

Лариса Райт

Бабочки в животе

Лада Пахомова не разводилась. Она разводила. Иногда хотелось все бросить и пойти в мировые судьи, чтобы не выслушивать ежедневно вереницу претензий людей друг к другу. И не переживать. И не сочувствовать. И решений не принимать. Ведь у мировых судей как? Участники процесса в суд явились? Претензий друг к другу не имеют? Ну и славненько. Всем спасибо. Все свободны и от судебных дразг, и от семейных уз. А Лада – судья высшей категории. К ней отправляют только тех, кто с претензией. У нее без прений сторон, взаимных упреков и дурно пахнущих деталей не обходится практически ни одно заседание.

Иногда девушка жаловалась на жизнь подругам, но те все-таки вялые стоны не воспринимали.

– Ты, Ладка, все равно мировой судья! – заявила как-то Леля Череницкая – лучшая подруга, пребывавшая в совершенно счастливом третьем браке, а два предыдущих закончились зычным ударом Ладиного судейского молотка. – Мировой, в смысле, отличный. Не подъедешь к тебе ни на хромой козе, ни на породистом скакуне. Все у тебя по справедливости, все по закону.

– А что удивительного? – не понимала Лада. – Я же, де-

вочки, в суде работаю.

Ответом служил дружный и еще более непонятный смех:

– Ой, Ладка, ну, уморила!

– Инопланетянка ты наша!

– Забыла, где живешь?

– Ну, знаете, – расстраивалась та, – если всех под одну гребенку... Все эти рассуждения: «У нас все куплено. Сплошная коррупция. Все равно всем платить надо».

– А не надо? – интересовалась Леля.

– Мне нет, – огрызалась Лада. – И я уверена, что таких, как я, еще пруд пруди.

– Нет, дорогая, – выражала подруга общее мнение, – таких, как ты, больше нет.

А Лада удивлялась: что в ней особенного? На носу очки, на затылке пучок, из одежды два брючных костюма. Не сразу, конечно. По сезонам. Зимой черный. Летом серый. Сумки тоже две, а содержимое всегда одинаковое: два кошелька (отдельные для купюр и для мелочи), два очечника (не дай бог, очки разобьются!), две ручки, четыре связки ключей (две от своей квартиры, две от родительской), две пачки болеутоляющих таблеток (если одна заканчивается, паника не отпускает до тех пор, пока девушка не купит следующую – запасную). Мигрень всегда накидывается внезапно и мощно. Не постепенно, по нарастающей, оставляя шанс подождать, дотянуть, принять меры, а сразу. Хватает в плен и начинает рвать голову на части с яростью раненого зверя. Так что

лекарство должно быть всегда наготове. А иначе Лада перестанет быть Ладой. Перепутает истца с ответчиком и присудит кому-нибудь лишнее. Как потом, даже не людям, себе в глаза посмотреть?

Она любит справедливость. А кто ж не любит? Так что нет в ней ничего особенного. И жизнь, кстати, такая же, как у большинства. Дом – работа, работа – дом. С утра – глоток кофе, днем – столовский салат, вечером – наконец праздник живота. Так что костюмы за десять лет практики пару раз все же пришлось поменять. Была сорок шестого размера, сейчас – пятидесятого. Но она не расстраивалась, говорила, что теперь чувствует себя внушительной во всех отношениях.

Иногда уставала от рутины. Тогда тихонько спрашивала сама у себя: «Кутнем?» И отвечала уже уверенней:

– Кутнем!

И тогда от остановки троллейбуса не брела к дому, а заходила в торговый центр, поднималась на второй этаж и там, в ресторанном дворике, покупала сразу два французских круассана. Потом, конечно, сердилась на себя. Внеплановые поступки были непозволительной роскошью и выбивали из колеи. После них сложнее было вернуться к работе. Хотелось вытянуться на диване, открыть банку варенья и, потягивая чаек из любимой глиняной чашки, посмотреть какую-нибудь старую советскую комедию или западную мелодраму типа «Касабланки» или «Английского пациента». Поэтому круассаны случались в основном по пятницам. В

другие дни дома еще ждала работа.

Лада любила порядок, а истцы и ответчики, как правило, вносили в процесс хаос своими эмоциями. Поэтому она предпочитала по возможности составлять представление о деле заранее, тщательно изучала материалы и частенько носила копии документов домой, чтобы принять промежуточное решение с абсолютно холодной головой. Конечно, случалось – приходилось менять точку зрения под давлением неопровержимых доказательств, что стороны предъявляли уже по ходу процесса, но тем не менее отказываться от предварительной работы не собиралась. Копаясь в бумагах и вчитываясь в написанное на скупых, черствых листах судьбы, она приучила себя видеть только факты и не обращать внимания на предположения. Для нее, как и для любого нормального судьи, не существовало слов «возможно», «наверное» или «вероятно». Каждое утверждение согласно букве закона должно быть подкреплено соответствующим документом. Нет документа – нет факта. А нет факта – значит, вы проиграли. И ничего не сделаешь. Лада законопослушна и несгибаема.

Она уверена в своей правоте. Если каждый судья начнет руководствоваться в принятии решений симпатиями и антипатиями, судебная система, что и без того имеет весьма шаткое положение в стране, рухнет окончательно. В общем, закон есть закон, и, как бы то ни было, его надо соблюдать. Лада соблюдает. Дорогу переходит только на зеленый свет,

не курит в переходах метро (вообще не курит) и не сверлит стены квартиры по воскресеньям. Ну и решения выносит законные. Всегда. Так что судья она действительно мировой. Права Леля. Вот так.

На календаре была среда. Поэтому желание завернуть в торговый центр было безжалостно подавлено. Лада пришла домой, проглотила пельмени и, нацепив очки «для дома» – оправа попроще и подешевле, – углубилась в работу. Через полчаса картина завтрашнего заседания прояснилась. Он – плут и мерзавец. Она – жертва. Он не хочет платить. Она жаждет получить хоть что-то. Но по документам он чист: нет ни машин, ни недвижимости, ни счетов в банке. И зарабатывает – бедный и несчастный глава собственной компании – сущие гроши. История стара как мир. Есть любовь – задущу подарками. Прошла – отдавай все назад и убирайся с чем пришла. Да! И детей своих забери. Наших? Нет, дорогая, твоих. Мне-то они зачем? Общество, конечно, считает, что такая ситуация ненормальна. Общество осуждает такое поведение, считает его неприемлемым. Общество просто слепо. Люди любят закрывать глаза на проблему, пока не столкнутся с ней лично. Действительно. Какая женщине разница, что Машу, Дашу или Клашу муж ободрал как липку и выставил за порог практически в чем мать родила. Она рассуждает так: «Во-первых, я с этой дамой не знакома. Во-вторых, возможно, она заслужила такого отношения. А в-третьих, меня все это не касается и никогда не коснется».

Ха-ха-ха!

Ладу забавляет подобная узость мышления и зашоренный взгляд. Многолетний опыт копания в чужой грязи заставил понять: к сожалению, уже давно именно такой вариант поведения – нажиться на мероприятии под названием развод – стал нормой, а так, чтобы все пополам, по-дружески, с уважением, – это исключительный вариант и на ее, Ладином, пути практически не встречающийся. Все верно. Такие дела до нее не доходят. Заканчиваются на пороге мировых судов. Так что бред это все. Нисколечко не права Леля. Лада – судья высшей категории. И вовсе никакой не мировой. Ну, какой может быть мир, если завтра она должна будет объявить истице, что все, что та сможет получить с бывшего мужа, – это двадцать пять процентов от его официальной зарплаты. Денег этих хватит на то, чтобы покормить ребенка неделю, максимум – дней десять. А дальше решай проблемы сама. Почему так несправедливо? Отчего же? Все по закону. Это смотря с какой стороны посмотреть на несправедливость. Если думать только о том, что коварный муженек переписал все имущество на родственников и друзей для того, чтобы оставить бывшую жену несолоно хлебавши, то, конечно, справедливостью и не пахнет. А если вспомнить о том, что каждому воздается по уму, то все очень даже справедливо. Надо было не в облаках витать и дышать одной любовью, а стоять на земле обеими ногами и не жить одним днем (тем, где тебя обожают, боготворят и носят на руках), а задумы-

ваться о будущем. С Ладиной точки зрения, отсутствие брачного контракта или совместной собственности на нажитое в браке имущество – верх безалаберности и безответственности. Ну, не надо тебе ничего? Да ради бога! Только о детях будущих подумай. Им-то зачем довольствоваться корочкой хлеба? Но большинство людей, увы, предпочитают не засорять любовь юридическими формальностями. А потом расплачиваются за свою наивность. И Лада, увы, не может, да и не хочет избавлять их от этой расплаты. Не может потому, что закон не изменишь. А не хочет оттого, что знает: за ошибки надо платить, чтобы не допускать их в следующий раз. Вот такое своеобразное обучение населения азам юриспруденции. И с завтрашней истицей она поступит так же.

Лада вернула документы в папку и набрала телефонный номер.

– Валера в командировке, – доложила мама о зяте – муже Ладиной младшей сестры Златы. – Так что у меня сумасшедший дом. – Сестра была полной противоположностью. Младшая не терпела одиночества и не могла и дня обойтись без общения. Стоило любимому мужу уехать на пару дней, Злата хватала детей в охапку и мчалась к родителям спасаться от скучных вечеров и дурных мыслей. Лада отчитывала сестру за несамостоятельность. А та лишь пожимала плечами:

– А что мне делать одной?

– Как же «одной»? А дети?

– Дети? Старшие давно и прочно замкнуты друг на друге. Я им только подай, принеси, уберу и дай денег. А Кирюша... ты называешь все эти уси-пусы с младенцем общением?

– А как же иначе? И именно от такого общения, без всяких сомнений, необходим отдых. Детей разложила по кроватям и кайфуешь.

– Лад! А что делать-то?

– Читать, – воодушевленно предложила она. Потом представила себе кислую мину сестры и добавила с неохотой: – Или телевизор смотреть. Там иногда случаются интересные передачи. Кстати, фильм ведь можно глянуть хороший.

– А я фильмы с Валерой смотрю, – жалобно проблеяла сестрица, вся погрязшая в собственном чувстве.

Она, по мнению Лады, – лучший образец современных дуручек, полагающихся в семейной жизни на авось и свято верящих в то, что институт их брака останется нерушимым до конца дней. Уж сколько Лада ни билась, сколько ни объясняла, сколько ни приводила примеров, Златка осталась глуха и слепа. Говорила: «Люблю. Ни в чем не нуждаюсь. Не буду унижать недоверием. Не опущусь до меркантильности». Странно. Почему-то те, кто решает ободрать бывшего супруга как липку, не гнушаются опускаться на порядок ниже этой самой меркантильности. Нет, Лада к шурина никаких претензий пока не имеет. Валера – человек во всех смыслах положительный. Но ведь, как известно, и на старуху... Так что береженого бог бережет. А сестра беречься не хочет. В гла-

за мужу заглядывает, а в кошелек боится. Трех детей родила, а обеспечить их и не подумала. У самой за душой десять классов, три курса института и нескончаемый декретный отпуск. И мысли о том, что когда-нибудь придется из него выходить, наводят на Злату уныние. Скорее родит следующего ребенка, чем вернется в институт. Почему? Так ведь туда же нельзя пойти вместе с Валерой. А она привыкла все делать вместе. Даже фильмы смотреть. Лада недовольна. Говорит:

– А ты посмотри без него.

Злата удивляется:

– Это как?

Лада сердится:

– С удовольствием, – и бросает трубку. Своей головы не приставишь.

В общем, в командировки Валера отправляется без Златы. И сестра страшно беспокоится: как он там, что он там и с кем? Поэтому и едет к маме. Там ее отвлекают от всепоглощающего, неумного горя.

– Саня с Танечкой дерутся, – докладывает Ладе мама. В трубку доносятся возня и детские крики. На заднем фоне слышен и плач. – У Кирюши режутся зубки, – вздыхает мама.

– А папа? – строго спрашивает дочь. Она встревожена.

Мама снова вздыхает:

– В кабинете.

– Работает? – Тревога ослабевает.

– Нет. Лежит с полотенцем на голове.

– Дай мне Златку. Я ее убью.

– Лада, не кипятись!

– Как это? Сколько можно потакать этим набегам? Она – взрослая женщина и должна понимать, что у вас тоже есть собственные занятия помимо служения ее испорченному настроению из-за отъезда драгоценного Валерочки. У папы, между прочим, процессы, выступления. Ему нужен отдых. А если не отдыхать, так работать он должен в тишине и покое, а не на поле боя.

– Ох, Лада, Лада... – Мама почему-то не проявляет должной солидарности.

– Разве я не права? – Дочь спрашивает, хотя на самом деле в собственной правоте ни капли не сомневается.

– Права. Только, понимаешь, любовь – это такая жертвенная штука...

– ...что жертвовать все время приходится вам с папой. А дочь тоже готова жертвовать. Только не для родителей, а для Валерочки.

– Такова жизнь. Она и для своих детей будет жертвовать. Закон природы.

– Неправильный закон!

– Ну-ну. Это люди, моя дорогая, подчас ошибаются, когда придумывают законы. А в природе все гораздо гармоничнее. Чем сердиться, лучше расскажи, как у тебя?

– Все в порядке, – с удовольствием рапортует Лада. О ней беспокоиться не надо. У нее не случается приступов паниче-

ской хандры. Она не склонна вешать на родителей свои проблемы и заставлять папу-адвоката вместо работы развлекать трех шумных малышей. А еще всегда знает, чем заняться. Вот, например, сегодня...

– Чем занимаешься? – Мама будто услышала мысли.

– Собираюсь почитать.

– Что-нибудь историческое?

– Ну да. Сегодня же среда.

Такой порядок. По понедельникам – поэзия, по вторникам – философия, по средам – история, по четвергам – иностранный язык. Английский с французским давно освоила. Теперь пыхтит над итальянским.

– Зачем? – удивляется Злата. – Собираешься осилить труды Цезаря в подлиннике?

– Цезарь писал на латыни. – Лада не злится. Знает та имя Цезаря – и то хорошо.

– А зачем тогда?

– Для саморазвития.

– Поня-я-ятно, – тянет младшая таким тоном, чтобы стало очевидно: непонятно ей ровным счетом ничего.

А Ладе и не надо, чтобы кто-то что-то понимал. Достаточно того, что понимает она сама. Есть раз и навсегда заведенный порядок, и незачем его нарушать. Языки, кстати, и в работе не помешают. Вот пару лет назад разводилась женщина с мужем-французом, так они в суде начали по-французски отношения выяснять. Лада, конечно, и возмутилась,

и молоточком постучала, но за те мгновения, что шла перепалка, успела узнать, что за непримиримыми противоречиями, указанными в графе «причина расторжения брака», скрывалась на самом деле привычка жены приводить в супружескую спальню барышень. Супруг был разъярен. Но не самим этим фактом, а тем, что драгоценная женушка оставила его в стороне от этих утех. Она же не оставалась в долгу и кричала (разумеется, по-французски), что не собирается делиться уловом и пусть ловит рыбку в своем пруду. Если бы Лада могла, отправила бы эту буйную пару мириться, но оба требовали развести их окончательно и бесповоротно, что та и сделала, отправив мужа рыбачить на берегах Сены.

В общем, знание языков никому еще не повредило. Лада, кстати, и Челентано любит послушать, и Мирей Матье. А чем плохо понимать, о чем поют любимые артисты? По пятницам у нее как раз вместо чтения в программе музыка. Чаще всего она просто заходит в магазин и покупает какой-нибудь новый диск. А потом слушает дома каждую песню по два раза. Первый раз просто воспринимает мелодию, а во второй уже придирчиво разбирает слова. Если больше чем в половине песен текст отвечает ее представлениям о качественной поэзии, диск занимает почетное место на полке. Нет – отправляется в корзину. Не в мусорную, конечно. А в ту, где ждут своего часа вещи, созданные не для Лады, а для ее сестры, или мамы, или Лели, или еще кого-нибудь менее привередливого. Иногда ходит на концерты. Но не слишком

часто. Во-первых, это дорогое удовольствие. Во-вторых, тяжело найти концерт, на который хотелось бы пойти. И в-третьих, это замечательное событие должно выпасть на пятницу. Других вариантов нет.

По субботам уборка. А после Лада, как выжатый лимон. Иногда Леля зовет «прошвырнуться». Но подруга чаще отказывается, чем соглашается. Отнекивается, говорит:

– Устала.

– Где пахала?

– Дома. Убиралась.

– Подумаешь, пылесосом да тряпкой пройтись, – фыркает обычно та, но уговаривать не пытается. Знает – ничего не получится. Лада решений не меняет.

А подруга на недовольство не обижается. Если только пылесосом и тряпкой, то и впрямь ничего особенного. Но у Лады каждая уборка – генеральная. Она моет окна, холодильник и протирает верх шкафов. Двери полирует, занавески отстирывает, кастрюли отдраивает. И только потом, когда ни в квартире ни пылинки, ни в душе ни соринки, позволяет себе отдохнуть. Тут и доходит дело или до комедии, или до мелодрамы. Да, ну и чай с вареньем, конечно. Это обязательно. В субботу всенепременно.

Воскресенье – свободный день. В расписании значится либо музей, либо галерея, либо родители, либо друзья. Как раз хватает на четыре воскресенья в месяц. В общем, у Лады очень разнообразная жизнь. Подчинена расписанию? Ну

и что? Так удобнее все успевать и ничего не забывать. И не забывает, кстати, не только Лада, но и другие. Вот и мама, например, помнит, что по средам дочь читает исторические книги. Что тут плохого?

– Читаю о взятии Бастилии, – доложила в трубку.

– Разумеется, на французском?

– Конечно. Справляюсь без словаря.

– Молодец, – но в голосе похвалы не слышно. Еще бы. У нее в квартире смертным боем лупят друг друга внуки. Какое ей дело до успехов старшей дочери? – Лад, а может, ну его, это твое расписание, а? Приезжай к нам.

– Что-то случилось? – пугается Лада.

– Нет. Просто то, как ты живешь...

«Ах, вот оно что! Значит, дело не в детях и не в усталости. Дело в ней – в Ладе – и в том, что мама снова пытается внести хаос в ее упорядоченную жизнь. Значит, и похвала – вовсе не похвала». Дочь начинает закипать.

– Опять? – спрашивает воинственно, и мама тут же сдаётся:

– Нет.

– Приеду через две недели, – говорит железобетонным тоном. – Завтра позвоню.

– Кто бы сомневался, – откликается мама. – Ровно в восемь пятнадцать.

Лада кладет трубку, почти взбешенная недовольством матери. Сама жалуется на Златку, которая то трезвонит по пят-

надцать раз на дню, то на три дня пропадает. А теперь решила обидеться на Ладу, которая звонит каждый день как штык в одно и то же время.

И главное, ладно бы сама по себе такой выросла: организованной и дисциплинированной. Так ведь нет. Ее этим качествам научили, прививали с детства. «Убери! Не трогай! Взяла – положи на место. Всею свое время. Обед в 14.00, и не кусочничай! Нет, мультфильмы смотришь по пятницам. По вторникам – библиотека». Это лишь то небольшое из череды нравоучений, которыми ее засыпали родители. Они где-то вычитали, что детям очень важны ритуалы, и почему-то решили, что важны они не только младенцу, но и ребенку более старшего возраста. Конечно, если бы сами не были четкими и организованными людьми, у них никогда не получилось бы сделать Ладу такой. Но папа всегда и во всем любил порядок. Испортить ему настроение могла даже чуть криво лежащая на его столе бумага. Стоит ли говорить о капле жира на плите или (о, ужас!) разбросанных детских игрушках? Папа не кричал и не ругался, но расстраивался так красноречиво, что и Ладе, и маме хотелось провалиться от стыда сквозь землю за неряшливость и неаккуратность. В общем, Ладе привили любовь к порядку буквально с материнским молоком.

А с рождением Златы наступили совсем другие времена. Книги старорежимного доктора Спока предлагалось чуть ли не сжигать на Красной площади. Теперь детям следова-

ло давать гораздо больше воли: кормить по требованию, носить привязанными к себе, как маленьких мартышек, избегать прививок и давать ребенку столько свободы, сколько он потребует. Естественно, Златина неаккуратность называлась теперь милой небрежностью, непунктуальность – женской пикантностью, а постоянно царивший в ее доме бардак гордо именовался творческим беспорядком. Надо ли говорить, что посещение квартиры сестры и вовсе не значилось в Ладином расписании. Обе предпочитали встречаться на нейтральной территории, где могли закрыть глаза на недостатки друг друга, которые каждая, естественно, считала своими достоинствами.

Именно поэтому невысказанное возмущение матери заставляло Ладу негодовать. Почему тот стиль жизни, который она так искусно, почти любовно создала, которого легко придерживается и которым даже гордится, вместо восхищения вызывает недовольство? У матери, которая лет десять назад на каждом углу трубила о том, сколько книжек прочитала Ладочка, какую очередную научную степень получила, в какие музеи ходит, на скольких языках говорит и какую должность занимает. Теперь на юбилеях и дружеских посиделках солировала Злата. Так же упоенно, как некогда старшей, мама хвасталась неумемной тягой младшей дочери к материнству, ее кулинарными способностями и, конечно же, внешностью.

– Сохранить такую фигуру с тремя детьми – просто по-

двиг.

Лада всегда кривилась. Подвиг – это у Александра Матросова или у Зины Портновой. А поплавать в бассейне, полежать на массажном столе или покататься на фитболе – это приятное времяпрепровождение. Интересно, с каких пор внешнее стало важнее внутреннего? Вот Ладе, например, совершенно все равно, как она выглядит. Кстати, когда смотрит в зеркало, понимает, что при желании из нее может получиться очень даже симпатичная женщина: выщипать брови, замазать черные точки на носу, сменить удобную оправу очков на модную, распустить и завить волосы, не забыв, конечно, закрасить седину, ну и, разумеется, чего уж душой кривить, надеть корректирующее белье. И перед вами – незнакомка лет на десять моложе и на пару размеров поуже.

Но Лада не хочет быть незнакомкой. Она желает оставаться самой собой. Да и времени на все эти преобразования жалко. Любой поступок, с ее точки зрения, должен совершаться ради чего-то или ради кого-то. Ей меняться совершенно незачем. На работе ценят и уважают независимо от внешнего облика. Появись в нем легкомысленность – еще неизвестно, что из этого получится. Иди потом доказывай, что ты хороший судья, а не чья-то безмозглая протее. Нет, Лада была решительно не согласна с пушкинским героем. С ее точки зрения, «быть дельным человеком и думать о красе ногтей» было совершенно невозможно. Она бы очень удивилась, если бы узнала, что практически на всех телевизионных кана-

лах существуют передачи, в которых по-настоящему умных, образованных женщин переодевают в красоток, мозги которых, по мнению Лады, заточены исключительно на то, насколько удачно сумочка сочетается с туфлями. Она же выделять в расписании время на парикмахера и косметолога не имела ни малейшего желания. Женщина была довольна собой. А мнение окружающих мало интересовало, даже если это было мнение мамы.

Лада еще немного позлилась. Потом отправилась на кухню и щедро намазала маслом большой кусок мягкого белого хлеба. Любой психолог сказал бы, что она заедает стресс и жизненную неудовлетворенность. Она же была уверена, что восполняет калории, потерянные в неприятном телефонном разговоре. После прочитала пятьдесят страниц из истории французской революции и, почистив зубы ровно три минуты, легла спать. Перед тем как уснуть, поежилась. Было прохладно, но взять одеяло потеплее не могла. Уже наступил апрель. И с апреля по октябрь полагалось накрываться одеялом полегче. А еще позавчера чувствовала себя совершенно разбитой и позволила себе на ночь выпить чай с вареньем, от чего, конечно, вспотела. Постельное белье теперь было явно несвежим, но менять его необходимо в субботу. «В субботу», – сказала себе Лада и уснула, чрезвычайно довольная своей стойкостью и непоколебимостью.

В здание суда на следующий день судья высшей категории Череницкая Лада Андреевна – дама строгая, дочь известно-

го адвоката, совершенно не склонная оправдывать кого-либо, прибыла, как обычно, вовремя – ровно за пятнадцать минут до начала первого слушания. Запас времени нужен был вовсе не для того, чтобы выпить кофе и посплетничать с коллегами. Лада включала компьютер и пять минут читала важные новости. Еще пять просматривала почту, чтобы понять, сколько времени понадобится посвятить переписке по окончании назначенных на сегодня процессов. И последние пять просто сидела с закрытыми глазами и наслаждалась тишиной. Это были последние мгновения безмятежности и покоя, где все друг друга любят и не имеют друг к другу никаких претензий. То есть Лада любит Ладу и не хочет в ней ничего менять. Она дышала глубоко и ритмично, пытаясь дыханием забрать в себя тот запас гармонии, который позволит выдержать людские дразги и вопли, что ворвутся в ее жизнь вместе с началом очередного рабочего дня.

Первое заседание вышло таким, какие Лада любила больше всего. Это были такие дела о расторжении брака, которые попадали в ее ведение из мировых судов только потому, что один из супругов не хотел расходиться и поэтому сознательно тянул время, ходатайствуя о переносе слушания. Здесь люди не имели друг к другу никаких материальных претензий. Напротив, та сторона, что желала свободы, готова была откупаться как угодно и чем угодно. А другая говорила, что ей ничего не нужно, «был бы милый рядом». Милым сегодня был толстый плешивый дядька с дрожащими руками и

оторванной пуговицей на мятом пиджаке. Он громко хлопал по кафедре потной ладошкой (почему-то Лада была уверена в том, что она потная) и требовал объяснить «этой женщине», что пламя желания быть рядом с ней в нем погасло навсегда. Ответчица – худосочная, пергидрольная блондинка – прижимала платочек к заплаканным глазам, хлюпала носом и требовала время для примирения. При этом обращалась вовсе не к Ладе, а к мужу. Тянула руки и шептала:

– Володечка! Ну, пожалуйста!

Судья испытывала брезгливость в отношении обоих супругов. К Володечке чувствовала глубокую антипатию из-за внешней расхлябанности, к жене – из-за того унижения, принимая которое, та, как казалось Ладе, невольно опускала весь живущий на Земле женский пол. Ответчица причитала и все время повторяла, что «без Володечки пропадет». Лада же думала о том, что, освободившись от такого подарочка, женщина должна, наоборот, обрести себя.

– Суд удаляется для принятия решения, – объявила и вышла из зала. О том, какое решение принять, не размышляла. Какие могут быть сомнения, если все прописано в законе. Время для примирения давно вышло, и если Володечка жаждет пуститься в свободное плавание, не в Ладиной власти его удерживать.

Она думала о вчерашнем телефонном разговоре: умела читать между строк и знала, что за маминым недовольством скрывалось настойчивое желание устроить личную жизнь

старшей дочери. Мама ни за что не могла согласиться с тем, что жизнь женщины может быть полной без обязательного присутствия в ней мужа и хотя бы одного ребенка. «Надо пригласить ее на парочку заседаний. Пусть посмотрит на таких вот Володечек и поймет, почему меня от них воротит». Та, конечно, станет утверждать, что мир состоит не только из подобных экземпляров. Лада согласна. Кроме Володечек существуют еще Кирюшеньки, Миша`ньки, Шурики и многие другие. Один – маменькин сынок, другой – отъявленный садист, третий просто дурак, а какой-нибудь четвертый, пятый, десятый – ни рыба ни мясо. Она этого разнообразия насмотрелась на работе. К чему еще и дома такой? Мама бы, конечно, спросила: «А папа? А Валера?» Лада бы ответила, что таких, как папа, больше нет (и с этим мама бы спорить не стала), а по поводу Валеры можно и поразмышлять: так ли уж он хорош, как о нем думают? Да, умен. Да, образован. Да, умеет зарабатывать деньги. И от этого, кстати, ведет себя, как напыщенный индюк. Возможно, если бы хоть по выходным проявлял малейший интерес к домашней работе, их со Златой квартира не смотрелась бы как склад забытых вещей. Но муж считает, что в выходные надо отдыхать, а точнее – выходить. Вот и выходят то в ресторан, то в театр, то в клуб, то в игровые автоматы. Там (в толчее народа) Валера расслабляется и получает удовольствие. Еще бы! Ведь столько окружающих видят, какая у него симпатичная жена, какие очаровательные дети и какой он сам замечательный от-

того, что так о них заботится. Вот на прошлом семейном сабантуе, например, с восторгом рассказывал, что старшие уже палочками едят суши. Мама, конечно, распахивала удивленные глаза и, хлопая в ладоши, восклицала: «Ну, надо же!» Папа кивал головой и говорил: «Славно. Славно». Только Лада сказала то, что на самом деле следовало сказать:

– Лучше бы ты им кашу по утрам варил. Овсяную. Хотя бы в выходные.

– Зачем? – не понял Валера.

Объяснять не стала. Чего словами разбрасываться? Все равно не поймет. Сказала как отрезала:

– Затем.

Тот не обиделся, сказал:

– Зануда ты, Ладка, – сказал так, что, если бы не ее сорок пять и его тридцать восемь, показал бы язык.

«Неприемлемое поведение в обществе», – заклеимила тогда шурина в своем сознании. И зачем же держать человека с таким неприемлемым поведением в своей квартире? Чтобы постоянно бороться с желанием выставить его за порог? Такая ситуация, безусловно, укрепляет силу воли, но Лада подобным способом саморазвития заниматься не желала. Жизни своей ни с Володечкой, ни с Кирюшей, ни даже с Валерой не представляла. А что до детей, эта всеобщая потребность размножаться ее и забавляла, и раздражала одновременно. В любых компаниях, где заходила речь о продолжении рода и необходимости деторождения, она рассказывала анекдот

про старого еврея, который, умирая, с грустью размышлял о том, что «пить совсем не хочется».

– Выйдешь на пенсию – завоешь от одиночества, – говорила мама.

Лада посмеивалась. Пенсия, с ее точки зрения, – самое замечательное время, когда, наконец, можно включить в жизненный график те вещи, для которых сейчас не хватает ни времени, ни пространства. Она уже сейчас откладывает часть зарплаты для грядущих путешествий по миру. Кроме того, хочет написать не менее пяти учебников по юриспруденции. И еще на пенсионный возраст намечено освоение японского языка. Иероглифы – слишком сложная штука, так что одного вечера в неделю для их изучения явно недостаточно. А, предположим, родит детей? И что? Все планы ко-ту под хвост. Только сядешь за учебник: «Мамочка, приезжай сидеть с внуками». Нет. Не дождетесь! Ни Володечек, ни Кирюшек, ни детей!

Лада с чистой совестью подарила истцу долгожданную свободу и, слушая тихое подвывание ответчицы, едва сдержалась, чтобы не покрутить пальцем у виска. Женщину вывели из зала суда подруги, и судья попросила секретаря открыть окно.

– Душно, да, Лада Андреевна? – Исполнительная девушка Маша бросилась выполнять поручение.

– Душно, – откликнулась та. – Душно от человеческой глупости.

– Вы о ней? – помощница кивнула на дверь, за которой только что скрылась ответчица.

– О ком же еще?

– Просто любит.

Лада смерила девушку сочувственным взглядом, вздохнула:

– И ты туда же. Как можно такое любить?!

– Сердцу не прикажешь, – прощепетала Маша избитую истину.

– Я в это не верю. Ладно, зови следующих.

Следующими оказалась вполне нормальная пара. Нормальная в том смысле, что ни он, ни она не вызывали никаких отрицательных эмоций. Впрочем, они вообще эмоций не вызывали. Общались сухо, по-деловому и с судом, и друг с другом. Истица просила установить для ответчика строго определенное время общения с ребенком, не предъявляя никаких вразумительных доказательств. Из чего Лада сделала вывод, что весь процесс – это, скорее, укол в адрес бывшего мужа, нежели вынужденная необходимость. Мужчина же, наоборот, представил все необходимые свидетельства того, что его работа связана с многочисленными командировками и у него нет никакой возможности навещать ребенка по расписанию. Лада истице отказала и, когда за участниками процесса закрылась дверь, сказала секретарю:

– Вот так и заканчивается большинство любовных историй: определением местожительства ребенка и расписанием

свиданий с ним одного из родителей.

– Вы – пессимистка, Лада Андреевна.

– Я – реалистка. Жить, Машенька, надо головой, а не сердцем.

– Но это же так скучно!

– Скучно? – Лада не поняла эмоционального порыва юной девушки. – А мир вообще не слишком весел. И нужно быть морально готовым ко всей той грусти, что его наводняет. А еще лучше себя от этой грусти как-то огораживать. А не то...

– Что?

– Не то получится так, как со следующими гостями. Давай помолчим минут пять.

Маша с готовностью кивнула и застыла на месте, боясь шелохнуться. Душа Лады ликовала. Вот еще одно доказательство того, что пиетет и уважение она внушает и молодежи, несмотря на отсутствие на лице килограмма косметики и шпилек на каблуках. Откуда женщине было знать, что за глаза помощница называет ее «старой гримзой» и, не стесняясь, копирует манеру смотреть на свидетелей по делу поверх очков? Об этой стороне жизни Ладе было ничего неизвестно. Ей была знакома только та, в которой она сидела в смежной с залом суда комнате и дышала, дышала, дышала.

Последнее слушание было именно тем, документы по которому изучала дома. Такие дела Лада не любила. Нет, никогда не колебалась и не думала нарушить закон, но все же осадок оставался. Она не жалела женщин, не заботящихся

вовремя о своем будущем, но ее угнетала мысль о невольном пособничестве жадным мужчинкам, не желающим отрезать хотя бы кусочек пирога бывшим женам и детям. Жены – ладно, дело десятое. Но разве бывают бывшие дети? Кроме того, Лада не могла не чувствовать и не осознавать, что каждая из истиц, которым приходилось отказывать в возможности поровну разделить имущество (если бы оно было, то разделила бы, конечно, но как делить то, чего нет?), уходила из суда, унося в себе, а то и изрыгая проклятья в адрес не только бывшего мужа, но и «купленной с потрохами судьи, в которой нет ничего человеческого». Хотелось крикнуть вслед каждой из них: «Я действую в рамках закона!»

Но кричать что-то после объявления заседания закрытым было не положено. Тем более судье. Вот и молчала.

– Зови! – крикнула Лада Маше и завернулась в мантию. Во время таких процессов она всегда надевала мантию, чтобы подчеркнуть: она подчиняется только закону, а не эмоциям или женской солидарности.

Все закончилось гораздо быстрее, чем предполагалось. Истица не истерила, не умоляла и не плакала, сказала, что все понимает и предполагает, что суд не сможет удовлетворить ее просьбу (она так и сказала – «просьбу»), потому что у нее нет ни малейших доказательств настоящего «богатства этого человека». Когда женщина произносила речь, она смотрела на мужа, нет, не с презрением, которое было бы вполне понятно, а с плохо скрываемой жалостью. Лада да-

же решила, что истица ей нравится. «Вот человек, умеющий держать удар. Знает, что погорячилась с отсутствием брачного контракта и теперь расплачивается за это, но, видимо, считает, что и муженька бывшего где-то поджидает расплата за его, мягко говоря, недостойное поведение». Сказала истица и о том, что у нее есть свидетели их с мужем прошлой обеспеченной жизни, но их слова, «ясное дело, ничто против бумажки».

– А по документам этот красавец чист, ваша честь, можете не сомневаться! – заверила женщина и замолчала.

– Я разберусь, – ответила Лада.

На секунду ей даже стало жаль, что у женщины не было адвоката. Как знать, возможно, знающий специалист откопал бы какую-то лазейку, которая дала бы возможность законным образом лишить негодяя какого-то имущества, расписанного теперь по многочисленным родственникам. Лада вполуха слушала, как ответчик распинаялся о том, что беден как церковная мышь. Она знала наизусть все их пламенные речи, произносимые чаще голосами дорогуших адвокатов: «Проблемы в бизнесе. Угроза банкротства. Грядущая нищета». И бла-бла-бла... В общем, туфта чистой воды. Сегодняшний ответчик, кстати, явился собственной персоной и восседал рядом с адвокатом так значительно и смотрел на всех присутствующих свысока, как только может смотреть мужчина, который ездит на машине матери, живет в квартире брата и еще часто посещает бабушку, живущую за горо-

дом. Нет-нет, не в деревне. В элитном охраняемом коттеджном поселке.

– Гол, ваша честь, гол как сокол, – сказал он, подтверждая слова адвоката белозубой улыбкой, сделанной наверняка на средства дяди, или дедушки, или кого там еще указанного в представленных суду документах.

– Чем ответчик зарабатывает на жизнь? – поинтересовалась Лада.

– У него своя компания. Очень маленькая и почти совсем не прибыльная. Но мой клиент, как честный человек, готов платить бывшей жене законные двадцать пять процентов от заработанного на содержание ребенка.

Маша положила на стол Лады документы, свидетельствующие об официальных доходах «бедняка». Та вздохнула. Прописанная в них цифра кричала о том, что на отпущенные бывшей жене средства прокормить нельзя не только ребенка, но и котенка или даже попугая.

– Ничего не получится, да, ваша честь? – неожиданно нарушила регламент истица.

Лада подняла было молоток, но тут же опустила. В словах женщины никакого неуважения к суду не слышалось. Не было в нем и надежды. Одна только всеобъемлющая и уже ставшая привычной безысходность читалась в каждом звуке, слетевшем с губ этой женщины. Что ж, во всяком случае, несмотря на допущенную оплошность (отсутствие брачного контракта), следовало признать, что голова у той все-таки

была на месте. Она не питала призрачных иллюзий и отдавала себе отчет в том, что должно произойти. Лада в ее глазах – судья, следующая букве закона, а не добрая волшебница, дарующая волшебной палочкой то, что пожелается.

Так и не ответив женщине, Лада удалилась в соседнюю комнату.

– Кофе? – тут же раздался за спиной услужливый голос Маши.

– Нет, спасибо. – Женщина удивилась, насколько глухо звучал собственный голос.

– А может, чайку?

– Нет, нет, Маша, не хочется.

– А мне мама пирожков положила. С капустой, как вы любите.

– Знаешь, что-то нет аппетита. – Сообщение о пирожках действительно не вызвало в желудке ни малейшего энтузиазма. Она взглянула на часы. Несмотря на обеденное время, есть не хотелось совершенно. Вообще ничего не хотелось. Лада подошла к окну и уткнулась лбом в холодное стекло. Там медленно кружился легкий, пушистый снег. В другое время Лада обязательно вспомнила бы, как в детстве в такую тихую зимнюю погоду они всем семейством выбирались на каток. Мама с папой ехали под руку и о чем-то переговаривались. Папа склонялся к маминому уху и что-то шептал в завиток волос, торчавший из-под вязаной шапочки, а мама хихикала, как девочка. Лада чинно ехала сзади и думала, какие

же смешные люди – эти взрослые. Думала до тех пор, пока маленькая Златка не выдергивала свою руку из руки старшей сестры и не грохалась на лед. Тут же раздавался нечеловеческий вопль, шептание впереди прекращалось. Мама хватала Златку на руки и начинала безудержно целовать детские щеки, на которых инеем застывали мокрые дорожки слез. А папа смотрел на Ладу долгим взглядом и говорил укоризненно: «Э-эх». И тем не менее воспоминание это было скорее радостным, чем грустным. Ей нравилось видеть счастливых родителей, нравилось тащить по катку младшую сестренку и чувствовать в своей руке маленькую, теплую варежку. Даже папино «Э-эх» заставляло мечтательно улыбаться, а не мучиться угрызениями совести. Зачем мучиться? Она никого не роняла. Златка сама выдернула руку. Ничего не поделаешь. Сестра уже тогда не желала подчиняться правилам. Ладу это раздражало. Она ведь не подозревала, что в жизни бывают такие времена, когда не хочется ничего, кроме одного: хотя бы на мгновение, на несколько секунд позволить себе стать доброй волшебницей, а не блюстителем закона.

Лада резко тряхнула головой. Так, что из чинного пучка волос выпала шпилька. «Лезет же в голову всякий бред! Надо немедленно вытрясти!»

Через десять минут все было кончено. Закон оставил истцу с копеечными алиментами и отправился на покой до следующего дня. Лада, едва закончив процесс, и думать забыла о минутных терзаниях. Жизнь продолжала нестись по

накатанной колее. Вторая половина рабочего дня была занята работой в кабинете. Сегодня Лада запланировала посетить архив. Спустившись в подвальное помещение, она с возмущением прочитала короткую и рушащую все планы надпись: «Учет».

«Черт знает что такое! Творят, что хотят. Никакой четкости. А ведь работают не где-нибудь, а в суде».

Лада бы очень удивилась, если бы узнала, что объявление о предстоящем учете висело на дверях архива с прошлой пятницы, а еще два украшали стены лифтов. Но она в архив спускалась только по четвергам, а лифтам предпочитала лестницы – это был ее способ борьбы с гиподинамией, позволяющий не отказывать себе в чае с вареньем.

В общем, без посещения архива продолжить намеченную работу было невозможно. Лада растерянно посмотрела на часы и недоверчиво спросила саму себя:

– Домой?

И автоматически кивнула. Больше идти было некуда. Она ведь еще не успела составить четкого плана. Предстояла неожиданная прогулка под пушистыми хлопьями снега. И никуда не спешить, не торопиться. Просто брести по улицам с ощущением полной свободы. От таких мыслей стало неуютно. Она стояла на крыльце здания и беспокойно озиралась, будто ждала какой-то необъяснимой помощи извне, какого-то знака, что избавит от навалившейся неопределенности.

С обычным раздражением вспомнила о младшей сестре. Вот кто на вопрос: «Что делаешь?» – всякий раз с восторгом отвечает: «Ничего». Подумаешь, полная корзина грязного белья. Можно и завтра постирать. Ужин не готов, а Валера придет голодный? Пельмени поест. Дети ползают по немытому полу? Здоровее будут. Долой стерильность! Ребенок должен знать, что такое бактерии. А Златка должна знать, что такое покой. Она и знает. А Лада вот знать не хочет. Поэтому и стоит на крыльце и думает, чем бы дельным себя озадачить. Мимо нее снуют люди. За спиной постоянно хлопает дверь. Ее обходят, огибают и обскакивают. Женщина мешается – загораживает проход. Она делает шаг в сторону, нога подгибается на обледенелой ступеньке, и через мгновение Лада уже валяется под крыльцом, охая и растирая ушибленное колено.

– Ударились? Сильно расшиблись? – раздался над ухом знакомый голос. – Надеюсь, ничего серьезного.

– Щиколотка подвернулась, но вывиха вроде нет, – автоматически ответила Лада, прежде чем поднять голову. А когда подняла, протянула: – А-а-а, это вы. – Над ней склонилась истица по последнему делу. Сапожки на шпильках, шубка из соболей. «Видно, до одежды бывший муженек не добрался. Вот и славно. Будет что продать на черный день. Я бы на ее месте уже закидала Интернет объявлениями».

– Да. Задержалась вот. С адвокатом разговаривала. Хочу понять, стоит ли тратить время на апелляцию. – Женщина

вдруг улыбнулась спокойно и просто. – Я ведь понимаю, что мне ничего не светит.

– Зачем тогда время тратите? – Лада так и сидела на снегу.

– Так... – Откровенная шубка безрадостно и неопределенно усмехнулась: – Ну, вы как? Идти можете? – Она протянула руку.

Судья хотела отмахнуться, сказать, чтобы женщина шла по своим делам и не задерживалась, но на крыльце уже начал собираться народ, и Ладе ничего не оставалось, как опереться на протянутую руку и встать.

– Спасибо. – Лада принялась отряхивать от снега мокрые брюки. Ногу саднило, и не морщиться, дотрагиваясь до больного места, не получалось. «Наверняка синяк будет».

– Идти сможете?

Лада с удивлением посмотрела на истицу. Она и думать о ней забыла. Казалось, что женщина давно отправилась по своим делам. «Ей что, делать нечего, торчать тут со мной? Она уже минут на пять-десять выбилась из своего расписания на день». Уверенность в существовании такого плана у всех и каждого (сестра не в счет) оставалась абсолютной.

– Да-да, конечно.

– Пройдитесь! – скомандовала меховая шубка, и Лада вдруг послушно сделала несколько неловких шагов.

– Так и знала! – Голос женщины сделался сочувственно-грустным. – Вы хромаете!

«Тоже мне трагедия! Обычный ушиб. Лучше бы думала,

как ребенка кормить будешь, а не о моих болячках».

– Ничего. Пройдет. Нет ни перелома, ни растяжения.

– Откуда вам знать? Вы же не врач!

«Издевается? Думает, я не знаю, что не врач? Нет, точно издевается. Это такой намек на то, что я не врач, который помогает и исцеляет, а бездушный судья, не желающий защищать слабых и угнетенных. Нашлась моралистка!»

– Было бы что-то серьезное – я бы и шагу не сделала.

– Это точно, – снова хохотнула шубка и жестом указала на скамейку у входа в здание:

– Сядьте! Я посмотрю.

И снова подчинилась. Быть предметом обсуждения для группы любопытствующих, все еще стоящих на крыльце, не хотелось.

Женщина ловко стянула с Лады сапог, закатала штанину и быстро ощупала щиколотку уверенными движениями. Сначала Лада ойкнула, потом хихикнула (стало щекотно), затем смутилась: «Бред какой-то! Сажу на холодной скамье и позволяю совершенно незнакомому человеку себя осматривать». Она дернула ногой и стала натягивать обувь. Движение причинило боль, и она не смогла скрыть появившуюся на лице гримасу.

– Страшного ничего нет, но ушиб сильный. Резких движений сейчас делать нельзя ни в коем случае! И пару дней подержите ногу в покое.

– Да вы-то откуда знаете? – К Ладе вернулась способность

держат ситуацию под контролем. К тому же заметила, что зеваки, убедившись в том, что ее нога не висит на ниточке, не окровавлена и не пестрит обломками костей, потеряли к действию всякий интерес. Крыльцо опустело. Она стала самой собой: четкой, уверенной, прямой и слегка грубоватой.

Женщина на грубость не обиделась. Ответила спокойно, с достоинством:

– Я – врач.

– Врач? – Лада нахмурилась. На память никогда не жаловалась и прекрасно помнила, что в деле черным по белому было написано то, что истица не работает.

– Ну да. Если я не работаю последние несколько лет, это еще не отменяет всего предыдущего опыта и образования, правда?

Лада сдержанно кивнула.

– Я десять лет проработала в травме в обычной городской больнице. Там и с мужем будущим познакомилась. Он ногу сломал. Поскользнулся так же, как вы...

«Ну-ну. Сейчас, конечно, скажет, что лучше бы он тогда сломал голову или вообще убился».

– ...хорошо только ногой отделался, а то и не было бы ничего.

Лада опешила. От неожиданности подумала вслух:

– Так и хорошо, если бы не было.

– Как это «хорошо»?

– Ну, а что же тут хорошего? Нет ведь ничего.

– Это теперь нет, а раньше было. Да и дети замечательные. А без него не было бы и детей.

Лада поморщилась. От слов, конечно, а глупая тетка решила, что от боли, засуетилась:

– Болит, да? Наверное, опухать начинает. Это возможно при сильном ушибе. Вам надо лечь поскорее.

– Хорошо. Тогда, может быть, я пойду?

– Конечно. Извините, вам больно, а я тут со своими разговорами... Вас проводить до машины?

– Куда?

– До машины.

Лада посмотрела на женщину, как на сумасшедшую:

– У меня нет машины.

– Нет? Тогда сейчас я вам поймаю такси. – Она дернулась по направлению к дороге, вскидывая правую руку.

– Нет!!! – «Еще не хватало на извоз разоряться!» – Я прекрасно доеду на метро, – процедила судья, делая попытку встать со скамейки. Удалось, но два следующих шага она делала не меньше минуты, чувствуя на себе жалостливый взгляд и с трудом сдерживаясь, чтобы не наорать на добрую женщину. Лада злилась. Злилась, прекрасно понимая, на что. Она не терпела оказываться должной. А вырисовывалась именно такая ситуация. Человек, по отношению к которому она поступила не слишком хорошо (законно, конечно, но все одно, с точки зрения самой истицы, уж точно несправедливо), проявлял к ней чудеса доброты, даже не вспоми-

ная, что произошло в суде буквально двадцать минут назад. А чудеса между тем продолжали сыпаться из истицы, как по волшебству.

– Не хотите на такси – не надо. Правильно. Мало ли что за водитель попадется. С моей стороны – верх безумия предлагать вам садиться в машину к первому встречному. – Она говорила искренне. И Лада почувствовала некоторую признательность к человеку, который деликатно не заметил, что она не хотела тратиться на такси. Женщина вернулась к скамье и предложила: – Пойдемте, довезу вас до дома.

«Час от часу не легче. Она с ума, что ли, спятила?»

– Не стоит. Я прекрасно доберусь сама.

– В том, что доберетесь, я уверена, но вот слово «прекрасно» в данной ситуации вызывает большие сомнения.

«Господи! Как же от нее отделаться?» Лада порылась в сумочке и достала мобильный телефон:

– Я сейчас позвоню мужу, и он придет.

– Хорошо, – женщина кивнула и осталась стоять на месте, всем участливым видом демонстрируя, что отправится во-свояси только тогда, когда пострадавшая окажется в надежных руках.

Лада набрала номер наугад, мысленно репетируя елейным голоском: «Дорогой, я упала и что-то с ногой. Пожалуйста, приезжай. Да-да. Спасибо, солнышко...»

– Аппарат абонента выключен или находится... – отчеканил механический голос в ухо так громко, что не услышать

его, стоя рядом, было невозможно.

– Давайте не будем терять времени. Муж на связь не выходит, а моя машина в пяти метрах, – женщина кивнула на стоящую у обочины красную малолитражку.

«Видно, и в лучшие годы совместной жизни ее ненаглядный не мог похвастаться особенной щедростью».

– Мы с лошадкой хоть и не новенькие, но домчим вас с комфортом, не сомневайтесь. Муж все нудел: «Купи да купи другую». А я не соглашалась, не хотела предавать мою девочку. Приятно мне было на ней ездить и каждый раз думать о том, что сама на нее заработала. Что пахала в две смены, что никогда не отказывалась от подработки и что умела себе во многом отказывать ради мечты. Вот и получила мечту. И разве можно было мечту променять на класс и престиж?

Лада молчала, озадаченная откровениями женщины. Впрочем, сами откровения озадачивали ее еще больше. Все формулы и клише в случае с этой особой не работали. Она не жаловалась на свою горькую судьбу и вообще не походила на обиженного жизнью человека. Она даже смеялась:

– Хорошо, что не согласилась на «Порш». Все одно сейчас принадлежал бы какому-нибудь очередному благодарному родственничку.

– За что он с вами так? – Вопрос вылетел из Лады сам собой. И как теперь не провалиться сквозь землю от собственного непозволительного любопытства.

– А вот поедете со мной – расскажу. – «Она бы еще под-

мигнула».

– Поеду. – Лада замерзла. Нога болела. Женщина была настойчивой. И потом, если не толкаться в метро больше часа, а доехать на машине минут за сорок, то потом останется лишнее время, которым можно будет исправить потраченные впустую сидением на скамейке полчаса. Ковыляя к машине, она прикидывала, какую пользу сможет извлечь от сэкономленных минут. Решила устроить мини-экзамен по языкам. Занятия занятиями, а контролировать себя надо. Да и машина – отличное место, чтобы повторить неправильные глаголы.

Лада забралась на сиденье и тут же начала мысленно твердить грамматические формы. В тепле боль немного отступила, в голову вернулась ясность, глаголы выстраивались стройными рядами, не выплывая, а выскакивая из недр памяти. Голос женщины вонзился в безмятежное Ладино существование совершенно неожиданно. Она и думать забыла о присутствии водителя. Едет себе и едет, твердит таблицы и твердит, а о присутствии еще одного человека, желающего, оказывается, разговоры разговаривать, даже и не думает.

– ...Так я вот считаю, что не за что, а почему, – донеслось откуда-то извне до сознания судьи.

– Простите? – Лада, как в тумане, посмотрела на водительское сиденье. «О чем это она?»

Женщина буквально на секунду оторвалась от дороги, бросила короткий взгляд и с готовностью повторила:

– Я говорю: мой муж обошелся так со мной не за что, а почему. Но если вам не интересно, то я не настаиваю. Можем и помолчать. Мне тоже есть о чем подумать.

Лада почувствовала вновь подступающее раздражение. «Скажите, пожалуйста! Подумать она может. Психолога строит. Показывает, что видит меня насквозь. А зачем строить психолога, если ты травматолог?» Но вслух почему-то произнесла:

– Так почему же?

– По ошибке, – просто ответила женщина.

– По ошибке? – не поняла Лада. – То есть? – «Сейчас расскажет старую как мир историю о молоденькой красотке, на которую ее променяли. И этот обмен, конечно, ошибка, потому что новая женоушка – просто корыстная хищница и ничего собой не представляет, а вот она...»

– Он думает, что, лишив меня всего, сможет удержать, но ошибается. Вот и все. Уходя, я ухожу и не возвращаюсь. Вот так. А лишать меня всего было не за что. Я хорошая. – И женщина снова улыбнулась, до того ей понравилась собственная мысль.

Лада озадаченно молчала, потом спросила:

– Хотите сказать, что вы с ним развелись, а не наоборот?

– Ну да. Я развелась тихо и спокойно в мировом суде. Даже и не думала, что у нас дойдет до дележки. Дура, конечно.

– Дура, – радостно подтвердила Лада. Хоть в чем-то ее суждения об истице оправдались.

Женщина недоуменно взглянула на нее и сказала, но не оправдываясь, а просто констатируя факт:

– Я – врач, а не юрист. Почему-то врачи лечат, учителя учат, водители возят, и никому из них не приходит в голову предложить больному самому провести операцию или попросить пассажира сесть за руль. А вот юристы непременно норовят упрекнуть всех и каждого в «вопиющей юридической безграмотности». По-моему, это неправильно.

Ладе наступили на больную мозоль. Сейчас она покажет этой ненавистнице юристов.

– Послушайте, – начала назидательным тоном, – вам же не приходит в голову загорать на морозе, или идти в сауну с высокой температурой, или спать на сквозняке. Любому мало-мальски грамотному человеку, не имеющему к медицине никакого профессионального отношения, известно, что, делая все это, он может заболеть. Вот так и юристы считают, что отсутствие брачного контракта, или четкого завещания, или договора купли-продажи для предотвращения всяких споров о недвижимости говорит прежде всего об отсутствии мозгов. Это халатность. Такая же, как и в первом случае. Только если простуда – это халатность физическая – небрежность по отношению к собственному здоровью, то юридическое разгильдяйство – это грядущая травма здоровья душевного.

– Вы правда так думаете? – Машина остановилась на светофоре, и водитель получила возможность смерить Ладу

долгим взглядом. Той почему-то стало неуютно. Нога снова начала болеть. Но все это нисколько не мешало стоять на своем:

– Конечно.

– Вы действительно считаете, что потеря финансовых благ всем должна непременно доставлять душевные терзания?

– А вам не доставляет?

– А вам?

– Мне? Я ничего не теряла.

– Но и не приобретали. Вы – честный человек, и вряд ли, работая судьей, сможете сколотить миллионное состояние.

– Оно мне и не нужно.

– А с чего вы решили, что оно нужно всем остальным? Почему вы считаете, что женщины, остающиеся у разбитого корыта после развода, только теряют? Быть может, они обретают?

– Что?

– Свободу, независимость.

– Да? И куда идти с этой независимостью? – не без ехидства спросила Лада, но ответ снова поставил ее в тупик.

– Да куда угодно, – сказала водитель, и даже в профиль было видно, что глаза у нее загорелись неумным восторгом. – В том-то и весь кайф. Куда угодно.

«Понятно. История другая, но тоже не новая. Посадил дома, запретил работать, ревновал, превратил в обслугу. В общем, терпение закончилось, и я махнула хвостом. А хвост-

то мне и прижали. Сиди, мол, и не рыпайся, а не то ничего не получишь. А я гордая. Не получу – и не надо. Не надо, может, и не надо, но только тогда...»

– Зачем вы пришли в суд? – закончила Лада вслух свои мысли.

– Говорю же, дура. – И женщина засмеялась.

Судья тоже не удержалась от улыбки. Новая знакомая вызвала невольную симпатию.

– Если честно, просто хотела дать ему шанс.

– Шанс?

– Да, возможность быть хорошим отцом.

– Алименты?

– Не люблю это слово, но, если хотите так, то да, алименты. Родил – воспитывай. Детям это надо сейчас, а потом это надо будет тебе. Я хотела дать ему шанс осознать это, но он его упустил. И потом, в будущем, когда одумается и попытается наладить отношения с детьми, они скажут: «Папочка, а где ты был раньше? Почему не помог? Не поддерживал все это время?» Знаете, что я тогда сделаю?

– Что?

– Да ничего. – Она снова залилась звонким смехом. – Пальцем о палец не ударю, чтобы ему помочь. – Женщина взглянула на Ладу и обрызгала ее веселыми искрами. – Катя, – неожиданно представилась она.

– Помню. Лада.

– Я тоже помню. Чудное у вас имя.

– В каком смысле? – Ладе всегда нравилось ее имя, а вот над сестринским подтрунивала: «Тоже мне, нашлось золотце».

– Нет, красивое. Только для судьи чудное. Вокруг страсти кипят, крики, ссоры, а в судейском кресле Лада. Диссонанс.

– А по-моему, вполне подходяще. У судьи по имени Лада все великолепно отлажено с законом.

– Вы действительно в это верите? – В голосе Кати было столько удивления, что впервые в жизни Лада испытала нечто вроде угрызения совести за свои законные судебные решения. Но все же ответила:

– Верю.

Взгляд, которым ее наградила водитель, был полным сочувствия.

– Наладить – это значит удовлетворить интересы обеих сторон, разве не так? А такое бывает редко. Вот меня, например, вы оставили ни с чем.

«Ну, вот и началось...»

– Вы ошибаетесь, Катя. Наладить – это значит удовлетворить интересы закона. Других задач я перед собой не ставлю.

– Ах, да. Извините. – Звучало так, будто женщина хотела сказать: «Я и забыла, что вы – судья. Решила, что вы – человек».

Пассажирка ощутила настойчивое желание как можно скорее покинуть машину:

– Остановите, пожалуйста, мне надо в магазин. Отсюда

уже недалеко до дома, сама дойду.

– Обиделись? – В Катином голосе появилось сожаление. – Зря. В каждой профессии, по-моему, есть свои нюансы. Врачей, например, тоже часто обвиняют в душевной черствости. Но без нее никак. Если сочувствовать каждому, долго не протянешь.

– Это точно. – Лада оживилась. – Один раз дашь слабинку, и все. Станешь потом следовать велению сердца, а не здравому смыслу.

– Жаль, что в вашей профессии это исключено.

– Почему?

– Потому, что следовать велению сердца часто бывает пре-
красно.

– Красивые сказки!

И снова Катя взглянула с состраданием, покачала головой:

– Это не сказки. Это жизнь.

– Жизнь? И что в ней прекрасного? Ваш развод? Отсутствие средств на воспитание детей? Вот к чему приводит веление сердца. Ни к чему хорошему.

Катя засмеялась:

– Сюда сворачивать?

– Да. Вон в ту арку около магазина. Спасибо.

Катя въехала во двор и припарковалась на свободном месте.

– Хотите зайти? – Обычная вежливость, ничего больше.

– Нет, спасибо. Надо ехать. Мама одна с детьми, а ей тя-

жело.

– Вот видите. Теперь еще и маме вашей приходится подрывать здоровье. А все, между прочим, из-за отсутствия здравого смысла в принятии решений.

– Я все равно с вами не соглашусь. Веление сердца привело к рождению этих детей. К ощущению полета. К любви, наконец. Развод, конечно, не самое легкое испытание в жизни, но и не самое тяжелое. Переживу как-нибудь. Зато вернусь на работу и детей подниму, вытяну, не сломаюсь. И кстати, фамилию девичью назад верну. Я ведь по папе Голицина, а по мужу стала Петракова. Так что буду опять Голициной. Красиво. А может, еще замуж выйду. Почему бы нет? Я достаточно молода, – при этом Катя взглянула на себя в зеркало заднего вида и удовлетворенно улыбнулась.

– Зачем? – Теперь пришла очередь Лады смотреть на собеседницу с сочувствием.

– Как «зачем»? Ведь опять может случиться встреча и бабочки в животе.

– Какие бабочки?

– Легкие такие. Трепыхающиеся.

– По-моему, вы бредите. При чем тут бабочки?

Катя смерила Ладу долгим взглядом, снова покачала головой и сказала расстроено:

– Вам все равно не понять.

– Отчего же?

– Вы слишком правильная. Вашему мужу, наверное, с ва-

ми скучно.

– Послушайте! – Лада задохнулась от подступившего гнева. – Какое вы имеете право?!

– Вы забыли? Я – врач.

Ее осенило:

– Вы меня лечите?

– Пытаюсь. Хотя это бесполезно.

– Почему? – Отчего-то стало обидно. На нее махнули рукой, признали никуда не годной.

– В вашем случае следует заняться самолечением. Ладно, извините, мне пора. Ногу надо подержать в покое хотя бы сутки, иначе может развиться серьезный отек, и одним днем лежания не отделаетесь.

– Спасибо. – Лада с трудом вылезла из машины. В сумке издал резкую трель телефон: пришло сообщение.

– Наверное, ваш муж снова в сети, – сказала Катя тем самым тоном, которым обычно говорят люди, когда сами не верят своим словам. – Всего вам хорошего. Выздоровливайте. – Красный автомобиль дал по газам и устремился к новой жизни.

Лада доковыляла до подъезда, опустилась на холодную скамью и вытащила из сумки мобильный. «Новые поступления в магазине «Книги для гурманов». Только четыре дня...» Не дочитав, она стерла сообщение.

Дома, стянув костюм и не убрав его в шкаф (нонсенс!), Лада забралась в кровать и уснула. Пришла в себя среди но-

чи и долго лежала, пытаясь сообразить, как она оказалась в постели и почему рядом не лежит никакой книги. «Неужели я просто спала?» – спросила себя и тут же ответила, улыbnувшись: «Спала». Снова улыbnулась. Ей не было ни грустно, ни стыдно. Она сладко потянулась, пошевелила ногой, которая уже болела заметно меньше, и снова уснула.

Утром позвонила на работу и впервые лет за десять сказалась больной. Потом включила телевизор и полдня потратила на созерцание бесполезных передач для домохозяек. Из постели выбиралась пару раз только для того, чтобы вернуться с провиантом. Лада ела в кровати бутерброды. Крошки сыпались на простыню, но женщину это ни капли не волновало. В голову пришла неожиданная мысль: «Моя постель. Что хочу, то и делаю». Телевизор выключила только тогда, когда обнаружила, что сменяющие друг друга развлекательные передачи и сериалы ей нравятся. «Засосет еще», – подумала и обратила свой взгляд на книжные полки. Пестрели обложками учебники по иностранным языкам, влекли золотым тиснением книги по истории, но Лада дотянулась до самой верхней, где толстым слоем лежала пыль. Верхняя полка относилась к мебели, о которой полагалось вспоминать лишь во время генеральной уборки. А генеральная уборка стояла в плане только два раза в год. Она достала книгу. Потом сходила за тряпкой и тщательно вытерла с полки пыль. Следующие три часа провела вместе с Эркюлем Пуаро, раскрывая тайну запутанного преступления.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.